

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ

Названное время имеет
высокий интерес для историка.
С.М.Соловьев

«Запрещенная» история

Многое из того, что относится к числу наиболее захватывающих страниц отечественной истории, надлежало навсегда вычеркнуть из официальной истории государства Российского, «предать вечному забвению и глубокому молчанию».¹ Позднейшие сочинители официальной истории могли даже позавидовать бесхитростным методам «исправления» прошлого в XVIII в.

Для молодого поколения современников эти события официально как бы и не существовали. Первые учебники истории обычно использовали безличные формулировки о «вступлении» той или иной фигуры на престол без указания на то, как именно это вступление происходило. В подобных книгах нет «запрещенной» фигуры XVIII столетия — младенца-императора Ивана Антоновича, как и упоминания известных «кондиций» при вступлении на престол Анны Иоанновны, свержения Бирона или переворота 1762 г.²

В дальнейшем от столь примитивного «устранения» нежелательного прошлого пришлось отказаться, тем более что во второй половине столетия стали доступными заграничные издания мемуаров очевидцев и участников событий. Один из первых издателей такого рода документов, немецкий ученый-энциклопедист и издатель Антон-Фридрих Бюшинг, в первом томе своего ежегодника «Magazin für die neue Historie und Geographie» поместил и первую статью на эту тему («Основательно исследованные и изысканные причины перемен правления в доме Романовых»; затем там же появились жизнеописания ключевых фигур эпохи — А.И.Остермана, А.П.Бестужева-Рюмина, А.Лестока, Б.-Х.Миниха и даже «История императора Иоанна III» — свергнутого и заточенного Ивана Антоновича.³

В России век Просвещения стал и временем создания системы школьного образования. В этой системе, по словам Екатерины II, изучение истории «не могло иметь другого вида и цели, кроме прославления государства». Императрица лично контролировала процесс подготовки официального школьного учебника по истории адъюнктом Академии наук и чиновником Коллегии иностранных дел И.Г.Стриттером.⁴

Этот учебник увидел свет только в 1799 г. и затем переиздавался в течение четверти века. Его текст отличался предельной деликатностью: так, Иван Антонович уже упоминался в качестве императора, но его правление «не долго продолжалось»; Бирона просто «удалили», а Петр III естественным образом «скончался в июле 1762 г.»⁵ В других подобных сочинениях щекотливость ситуации компенсировалась изяществом стиля. В официально дозволенном прошлом вельможи добровольно отправлялись из столицы «в отдаленные местности»; младенец Иван Антонович воцарился «беззаконно», поэтому был свергнут, «добродетельно заключен» и в конце концов ко всеобщему облегчению лишен «тягостной самому ему... ни к чему не способной жизни»; а Петр III, «слыша, что народ не доверяет его поступкам, добровольно отрекся от престола и вскоре затем скончался в Ропше».⁶

Лишь в некоторых вышедших из «вольных типографий» исторических сочинениях появлялись известия о колебании «государственных чинов» при избрании Екатерины I, ее нарушенном завещании, «договорной грамоте» и попытке ограничения монархии в 1730 г., свержении Бирона и убийстве Ивана Антоновича «через злодейство Василия Мировича».⁷ Но для таких случаев уже имелась цензура. В 1779 г. из переводного учебника Г.Ахенвалля были вычеркнуты все «нежелательные» известия о событиях XVIII в.⁸ В 1796 г. Тайная экспедиция Сената вела следствие по делу М.Антоновского: в его переводе немецкого сочинения «Новейшее повествовательное описание всех четырех частей света» (СПб., 1795) содержались упоминания о придворной борьбе в 1725 г., во время которой «большая часть народа желала иметь наследником Петра II, но сильнейшая сторона употребила к возведению на престол Екатерины, супруги Петра I».⁹

Особенно раздражали власть неподконтрольные зарубежные сочинения. Еще Елизавета Петровна распорядилась в 1743 г. конфисковывать и сжигать немецкие «пашквили» — жизнеописания только что свергнутых и сосланных Бирона, Остермана и Миниха.¹⁰ Впоследствии запрещались к ввозу сочинения, повествовавшие о судьбе Петра III; по заданию Екатерины II русское посольство делало все, чтобы не допустить издания книги бывшего секретаря французского посольства в Петербурге Клода Рюльера о «революции» 1762 г.¹¹ В дальнейшем гонениям подвергались любые сочинения на эту тему: произведения Ж.Кастера, Ж.-Ш.Тибо де Лаво и прочие «непозволительные» книги о российском дворе.¹²

И все же только мифами и официальной ложью в век Просвещения обойтись было уже невозможно. События 20–40-х гг. XVIII столетия вызвали у современников Екатерины размышления и оценки тех времен, которые, судя по сохранившимся запискам и высказываниям, были пре-

имущественно отрицательными. Сама Екатерина II писала, что «от кончины Петра I до восшествия императрицы Анны царствовала невежества собственная корысть и борствовалась склонность к старинным обрядам с неведением и нежелательством новых, введенных Петром I». ¹³

Таким образом, Екатерина впервые задала вполне определенное осмысление названных российских «дворских бурь» как борьбы сторонников петровских новшеств с поборниками старины, — и эта оценка оказалась долгоживущей. Кроме того, императрица и один из самых серьезных русских историков той поры И. Н. Болтин видели в событиях предшествовавшего времени прежде всего ослабление могущества государства в результате «вредного и бедственного многоначалия» вельмож. ¹⁴ С другой стороны, неизвестный автор замечаний к «Запискам» Манштейна и оппозиционно настроенный к режиму Екатерины II М. М. Щербатов обращали внимание на отсутствие «основательных законов» о престолонаследии, «жестокие примеры» произвола временщиков, приводившего к «повреждению нравов» в дворянской среде и репрессиям против знати и всего «народа». ¹⁵

Наметившиеся разногласия, однако, долгое время не выходили за рамки частных бесед и записок, не предназначенных для печати. Но в эпоху Екатерины II безусловно запретная ранее тема впервые становится предметом публичных исторических размышлений. Правда, доступны они были только лицам, облеченным высочайшим доверием, и остроты проблемы не снимали — скорее, наоборот, подчеркивали отсутствие бесспорного и законного порядка престолонаследия.

Болтин в споре с сочинением француза Леклерка утверждал, что «русские во все время были государям своим верны, даже и самым строптивейшим». Но он же, оправдывая воцарение Елизаветы, считал заговоры 1740—1741 гг. «в существе своем суть законными и правотой производимыми». Однако если устранение «тирана» Бирона историк еще как-то мог представить в качестве законного акта, то объяснить «незаконность» воцарения Ивана Антоновича и предшествовавшей ему Анны Иоанновны было трудно; приходилось оправдывать ее правление тем, что она «всею нацією признана самодержавной». ¹⁶

Либеральное начало царствования Александра I и наметившийся в обществе в эпоху наполеоновских войн интерес к отечественной истории послужили толчком к появлению в печати целого ряда публикаций о жизни забытых или «запрещенных» деятелей — Меншикова, Миниха, Остермана — и даже о «бунтовщике» и самозванце Пугачеве. ¹⁷ Однако многое по-прежнему оставалось невозможным для «публичного разглашения»: так, в 1816 г. была запрещена продажа вполне благонамеренной книги П. А. Яковлева «Жизнь принцессы Анны, правительницы России».

Лишь немногим удавалось проникнуть в Государственный архив Российской империи, где хранились секретные политические документы. Именно к этим бумагам стремился получить доступ А. С. Пушкин, когда в июне 1831 г. писал шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу о давнишнем желании «написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III». Позднее поэту удалось поработать над документами петров-

ской эпохи под присмотром графа Д. Н. Блудова — главного николаевского специалиста по политическим архивным делам — и даже ознакомиться с делом царевича Алексея; но мечта заняться историей послепетровского времени так и осталась неосуществленной: царь не одобрил его замысла писать о преемниках Петра I. ¹⁸ Сам Д. Н. Блудов в 30-е гг. XIX в. работал с документами политических дел эпохи дворцовых переворотов и готовил для государя специальные записки об их содержании; как следует из записей Блудова, Николай I знакомился с этими источниками. ¹⁹

Н. М. Карамзин лишь в конце жизни смог прочесть запретные мемуары Екатерины II и материалы политических процессов 30—40-х гг. XVIII в., чем поделился со своими слушателями: «Истинные причины разных событий, жизнь и характеры многих лиц доходили до нас нередко в превратном смысле, и мы часто, по слухам, хвалим их и порицаем несправедливо. Политика того времени, по необходимости, закрыла от нас истину. Вот нечто взятое из достоверных источников. Петр II подавал о себе прекраснейшие надежды. Он погиб от своих любимцев, которые расстроили его здоровье, действуя из личных видов... Обручение Петра II с княжною Долгоруковою было принужденное. При императрице Анне важнейшую роль играл, бесспорно, Бирон; но он совсем не был так жесток, как описали его современники; имел даже многие благородные свойства; впрочем, главная страсть вельмож тогдашнего времени была взаимная ненависть...» ²⁰

И все же начавшиеся реформы потребовали определенного осмысления минувшего. Престарелый екатерининский вельможа А. Р. Воронцов в особой записке 1801 г. впервые попытался проследить закономерности политических переворотов прошлого и подметил существенные различия между ними: от попытки ограничить монархию «несвойственными для России кондициями» — до проявления «преторианской гвардейской необузданности». ²¹ М. М. Сперанский в «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г. полагал, что «замыслы политических систем» при императрице Анне в 1730 г. не удались, поскольку опередили «состояние народного духа». ²²

Далекий от либеральных взглядов Н. М. Карамзин в известном политическом трактате — «Записке о древней и новой России» — подошел к проблеме формирования политического строя в России как к естественному и закономерному процессу развития от «древней республиканской системы» к самодержавной монархии, которую Екатерина II окончательно «очистила... от примесей тиранства». Для него на этом пути были равно неприемлемы как «гидра аристократии», так и грубое насилие, когда государя (Елизавету Петровну) возводили на престол «несколько пьяных гренадеров».

При этом Карамзин отметил и «нарушения» в идеальной, с его точки зрения, российской политической модели, связанные с реформами Петра I. Историк осуждал ликвидацию автономии церкви, которая являлась своеобразным гарантом «при уклонении государя от добродетели» и должна была иметь свой «особый круг действия вне гражданской власти». Отрицательно оценивал Карамзин ослабление «связей родства» и — шире —

«удаление в обычаях дворянства от народа», что разорвало прежние традиционные отношения и ценности общества. Именно в связи с этим он и оценивал перевороты XVIII в., когда монархи (пусть даже и «пигмеи» в сравнении с «великаном» Петром) могли пасть «жертвой неуважения». Наконец, Карамзин четко сформулировал единственно возможное и необходимое ограничение власти самодержца: «Закон должен располагать трон», — что было вполне актуально не только для прошлого, но и для современности между 1801 и 1825 гг.²³

«Записка» Карамзина не предназначалась для печати — слишком острые и злободневные вопросы в ней поднимались. Но затронутые историком проблемы политического развития страны нашли отклик у членов тайных обществ, которые, в свою очередь, обращались к истории в поисках прецедентов борьбы народной вольности с тиранами и также неизбежно должны были оценивать недавний опыт дворцовых «революций». Известно, что М.И.Муравьев-Апостол, Д.И.Завалишин, К.Ф.Рылеев, Н.И.Тургенев, Н.М.Муравьев не раз высказывали свое мнение о «постыдной эре женского правления и безнравственных временщиков», хотя молодые офицеры были не слишком высокого мнения о «серьезных переворотах» или «домашних ссорах немцев», не менявших к лучшему положение страны.²⁴

В сибирской ссылке декабристы уже осмысливали эту проблему на более глубоком уровне. Составляя «Разбор донесения Тайной следственной комиссии», Н.М.Муравьев и М.С.Лушин (а несколько позднее и М.А.Фонвизин) стремились отделить традицию дворцовых переворотов, которые «не приносят у нас никакой пользы», от собственных усилий и связать последние с поиском «конституционных начал» в отечественной истории. В этот ряд они ставили и «присягу» Василия Шуйского в 1606 г., и Земские соборы XVII в., и борьбу «партий» в 1725 г., и события 1730 г. Сами же перевороты «каторжные мыслители» связывали с появившейся при Петре I «пустотой в устройстве общественном», исчезновением «духа законной свободы и гражданственности» вследствие ликвидации или подчинения государству общественных «устройств» — сословно-представительного «государственного собора» и независимой церкви. Они полагали, что при сохранении «законно-свободных постановлений» в России не было бы характерных для послепетровской эпохи «насильственных переворотов и потрясений».²⁵

В то время формировалась и более радикальная точка зрения. А.И.Герцен начал свой поход против самодержавия с разоблачения истории династии и ее опоры — «невежественного, тупого и равнодушного общества». Послепетровская эпоха предоставила ему обширный материал для «уголовного дела, теперь начавшегося над петербургским периодом нашей истории». Однако радикализм Герцена отчасти совпадал с позицией Екатерины II: шла борьба «свирепого деспотизма, схватившегося с раблепной олигархией»; только первого участника этого спора публицист оценивал, безусловно, со знаком «минус». Единственным проблеском в этой «оргии» он видел неудачную попытку установления конституционного порядка в 1730 г.²⁶ Так же как и Карамзин, Герцен отмечал усиленный петровскими реформами «отрыв» дворянства от народа и весьма су-

щественные противоречия внутри «шляхетства», еще не успевшего стать настоящим сословием. По мнению Герцена, высказанному в адрес Александра II, максимальная и ничем не ограниченная концентрация и персонализация власти («военный деспотизм») как раз и порождали неустойчивость и уязвимость положения самого монарха.²⁷

Дворцовые перевороты: изучение и осмысление в науке

Записки и размышления как эмигрировавших, так и находившихся в ссылке «государственных преступников» до поры оставались мало кому известными. Однако вопреки утверждениям Герцена о сплошном засекречивании неудобной властям истории, «освоение» ее нового периода продолжалось в первой половине XIX в. достаточно интенсивно. Русским историкам был доступен труд профессора Йенского и Марбургского университетов Эрнста-Адольфа Германа «Geschichte des Russische Staates». Появившиеся в 1846—1853 гг. 3, 4 и 5-й тома этой работы были посвящены истории петровской и послепетровской России и обильно цитировали найденные автором документы из дрезденских, лондонских и берлинских архивов, в том числе донесения саксонских дипломатов при русском дворе.²⁸

Именно в николаевские времена появились работы, достаточно подробно рассматривавшие события «потаенных» царствований. Издавались первые истории гвардейских полков с почерпнутыми из полковых архивов сведениями о действиях гвардейцев во время переворотов.²⁹ Д.Н.Бантыш-Каменский и А.В.Терещенко выпустили биографические справочники о государственных деятелях России прошлого и настоящего.³⁰

А.В.Вейдемейер познакомил читателей с борьбой «партий» у постели умиравшего Петра I в 1725 г., с «аристократическим правлением» в 1730 г. (правда, без упоминания о дворянских проектах), рассказал о «кровожадном» Бироне и «милосердной» Анне Леопольдовне. Преподававший русскую историю наследнику профессор К.И.Арсеньев в книге о Петре II подробно изложил историю «падения» Меншикова и цитировал следственные дела того времени (А.Нарышкина, Е.Пашкова, Долгоруковых). В сочинениях Н.Г.Устрялова ответственность за политическую борьбу и перевороты XVIII века возлагалась на действовавших «из личных видов» вельмож и «необузданные страсти» временщиков. Но при этом до середины XIX столетия отечественная историография не упоминала о каком-либо «господстве немцев» после смерти Петра или стремлении русской знати вернуться к допетровской старине.³¹

С.М.Троицкий, впервые изучавший историографию «эпохи дворцовых переворотов», полагал, что тезис о борьбе «русской» и «немецкой» группировок в XVIII в. появился в печати в конце 50-х гг. XIX столетия. По-видимому, это все же случилось раньше и не без помощи исторической беллетристики: в 30-е годы были опубликованы первые исторические романы, обращавшиеся к эпохе «бионовщины».³² Подобные утверждения появились в это время в сочинениях А.А.Лефортова. Затем Н.А.Полевой четко сформулировал тезис о перевороте 1741 г. как «паде-

нии партии иностранцев», как будто нарочно посылавшихся провидением в Россию для доказательства прочности начинаний Петра Великого.³³ Отныне в историографии соединились обвинения в адрес противников петровских реформ — «буйных олигархов» и честолюбивых «немцев», которым удавалось «ослепить» доверчивых государей.

Крах николаевских порядков в числе прочих последствий вызвал и либерализацию цензуры, и оживление исторической журналистики, что сразу же сказалось на изучении проблемы. Уже в 1856 г. К.И.Арсеньев смог издать небольшую монографию о времени Екатерины I, где широко использовал «журналы» Верховного Тайного совета, записки его членов о необходимости изменений в финансовой политике правительства, следственные дела; отрывки из следственного дела А.М.Девьера и завещание Екатерины I были опубликованы в приложении. Автор впервые указал на особую роль Совета в послепетровское время, когда он выполнял функции координирующего центра и подчинял себе Сенат и коллегии; рассмотрел предпринятые «верховниками» реформы петровской административной машины и начавшуюся борьбу за влияние в их рядах.³⁴

Другим серьезным шагом в изучении петровских преобразований и их последствий стал выход в 1859 г. шестого тома «Истории Петра Великого» Н.Г.Устрялова с изложением дела царевича Алексея и приложениями — публикациями следственных материалов. Эта работа, задержанная цензурой в 1849 г. и выпущенная с личного разрешения Александра II, вызвала большой общественный интерес. Опубликованные материалы дела используются до сих пор, хотя американский историк П. Бушкович установил, что Устрялов весьма существенно изменял (чтобы не сказать фальсифицировал) документы, устраняя из них информацию о сочувствовавших царевичу представителях петровской знати.³⁵

Выход академических трудов сопровождался с конца 50-х гг. XIX в. целой волной журнальных публикаций. В 1858 г. И.Шишкин утверждал, что перевороты есть «дело одних русских немцев и онемечившихся русских»; однако «разгул личных страстей» все-таки завершился «непостижимым *coup d'état* 1741 г., который привел к окончанию господства иноземцев.³⁶ В 1859 г. молодой М.И.Семевский опубликовал серию очерков о жизни и царствовании Елизаветы Петровны, написанных в основном по ранее известным мемуарам и документам; публика приняла их с интересом, а автор был счастлив вступить в «область отечественной старины, бывшую заповедной землею».³⁷ В том же году чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел П.К.Щебальский (составлявший, кстати, обзоры прессы для императора) выступил со статьей о событиях 1730 г., ставших, по его мнению, звеном к «цепи потрясений и переворотов», где попытка «верховников» установить аристократическое правление привела к «кровавой бироновщине».³⁸

В духе наступившей гласности журналы помещали еще недавно нецензурные сочинения, изображавшие «распушенность» двора, произвол временщиков, отсутствие четкого правительственного курса.³⁹ Наступившая в России «оттепель» способствовала отмене наиболее грубых запретов на исторические исследования и публикации. Правда, цензурное ведомство в постановлении 1860 г. предупредило о недопустимости

обнародования «сведений неосновательных и по существу своему неприличных к разглашению о жизни и правительственных действиях августейших особ царствующего дома». Запрет вводился на сведения начиная как раз с 1725 г., не касаясь более ранних времен, чтобы «не стеснить отечественную историю в ее развитии».⁴⁰

Материалы о первых послепетровских царствованиях обычно не вызвали возражений. М.И.Семевскому удалось добиться отмены введенной было предварительной цензуры для его журнала «Русская старина». Проблемы возникали при освещении переворота 1762 г.: издателю «Русского архива» П.И.Бартеневу пришлось править материалы об А.Г.Орлове и записки Н.И.Греча, затрагивавшие эту тему; не разрешили ему и издать сочинение К.Рюльера.⁴¹ В 1890 г. главный цензор империи Е.М.Феоктистов и министр внутренних дел И.Н.Дурново рассматривали фундаментальный труд профессора В.А.Бильбасова «История Екатерины II». В конце концов сам Александр III вызвал автора для беседы и, несмотря на все усилия историка, признал том с описанием событий 1762 г. «опасным». Тираж уже отпечатанной книги был конфискован.⁴² Последней «линией обороны» прошлого династии стали события 1801 г.: эти сведения вплоть до революции 1905–1907 гг. считались недопустимыми к опубликованию, в чем издателям даже приходилось давать подписку.

Однако введенные ограничения не смогли существенно повлиять на количество публикаций о еще недавно запретной эпохе: именно в это время одна за другой появлялись документированные статьи и заметки о «падениях» П.А.Толстого, А.М.Девьера и А.Д.Меншикова; о Бироне и его родственниках; о свергнутом императоре Иване Антоновиче.⁴³

Вал больших и малых публикаций, посвященных послепетровской истории, рано или поздно должен был привести к появлению серьезных исследований, основанных на архивных материалах. Начало положили труды биографического жанра: очерки об А.И.Остермане, фундаментальные монографии Н.А.Попова о Татищеве и И.А.Чистовича о Феофане Прокоповиче, А.А.Васильчикова о Разумовских. П.К.Щебальский опубликовал в «Русском вестнике» обширное исследование о политике Петра III, а В.В.Андреев — серию очерков-портретов преемников Петра I «с их достоинствами и недостатками». В 1873 г. вышел сборник работ М.Д.Хмырова об исторических фигурах той эпохи — Густаве Бироне, княгине Е.И.Головкиной, Лестоке.⁴⁴

Обилие названных публикаций находилось в русле исследованного М.П.Мохначевой процесса «журнализации исторической науки», когда «учено-литературные», а затем и специальные исторические издания становились «системоформирующим звеном научного и научно-популярного знания».⁴⁵ С точки зрения избранной темы можно, нам кажется, отметить, что на ее изучении отразилась и несомненная демократизация самого круга авторов: для них (в отличие от просвещенных вельмож начала века) проблема выходила из разряда неуместных для публичного обсуждения и представляла как раз удобный материал для критики российских порядков.

Научные публикации стимулировали и появление многочисленных исторических романов по сюжетам данной эпохи (В.П.Авенариуса,

В.С.Соловьева, Е.П.Карновича, М.Н.Волконского, П.В.Полежаева, Е.А.Салиаса) различного уровня — от классических произведений Г.П.Данилевского до халтурных поделок, которые А.М.Скабичевский называл «скороспелыми борзописаниями».⁴⁶

Рубежом в новом этапе изучения проблемы стало освещение послепетровской эпохи в «Истории России» С.М.Соловьева. Этому времени посвящены ее XVIII—XXV тома, выходявшие в 1867—1875 гг. Труд Соловьева окончательно перевел проблему из области политических секретов, с одной стороны, и предмета «обличения», с другой, в сферу научного изучения. Впервые читатель получил подробную панораму эпохи, которая рассматривалась не как досадное «междоусердие» или провал между «великими» правлениями Петра I и Екатерины II, а в качестве самостоятельного и важного периода отечественной истории.

Соловьев видел профессиональный «интерес» изучения этой эпохи в том, что «здесь русские люди были предоставлены самим себе ввиду громадного материала, данного преобразованием».⁴⁷ Это было крайне важно с точки зрения поставленной им принципиальной задачи: «показать, как новое проистекало из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое», — в известном смысле остающейся актуальной и сейчас.

Наконец, историк ввел в научный оборот большинство известных к тому времени и использующихся и по сей день источников. Ему же удалось найти и много нового; к сожалению, при нечеткой системе научно-справочного аппарата некоторые из обнаруженных историком документов (например, записку о предполагавшемся браке Петра II с Елизаветой Петровной или документ, проливающий свет на подлинность завещания Екатерины I) до сих пор не удается разыскать и идентифицировать при расшифровке ссылок для современных переизданий его «Истории».⁴⁸

В «Истории России» С.М.Соловьев не только подробно описал основные политические коллизии, но и выделил характерные черты той эпохи, которые можно суммировать таким образом:

1) Борьба придворных «партий» после смерти Петра I привела к уклонению от намеченной им программы преобразований и недопустимому засилью иностранцев в правящих кругах.

2) Оскорбленное «народное чувство» вызвало перевороты 1741 и 1762 гг. как «народное движение, направленное против преобладания иноземцев», что означало «возвращение к правилам Петра Великого», получившее поддержку всего общества.

3) 20—50-е гг. XVIII века были отмечены «сильным влиянием гвардии» как института, «заклучавшего в себе лучших людей, которым были дороги интересы страны и народа».

4) Наконец, еще одним важным фактором политической нестабильности историк признавал вмешательство иностранной дипломатии во внутренние дела страны.⁴⁹

Выдвинутая Соловьевым концепция политической истории России послепетровского времени прочно вошла в науку и школьные учебники. Огромный к тому времени научный авторитет ученого и богатство собранного им материала были уже вне критики — не случайно соответ-

ствующие тома «Истории» не вызывали, в отличие от первых, посвященных древней истории, рецензий и полемики.

Однако само появление фундаментального курса необходимо было для следующего этапа исследования, связанного с изучением отдельных сюжетов в рамках периода и появлением спорных позиций. Примером подобного подхода может служить изучение междоусердия 1730 г. Отталкиваясь от труда Соловьева, публицист и писатель Е.П.Карнович закрепил «оппозиционную» концепцию событий 1730 г. Он связал «революционное движение» 1730 г. с прежними попытками ограничения самодержавия и практикой Земских соборов допетровской России.⁵⁰ Следующим шагом в логике исследования проблемы стала фундаментальная монография Д.А.Корсакова о воцарении Анны Иоанновны, положившая начало традиции изучения политической борьбы и политических проектов 1730 г. и вызвавшая, в свою очередь, серьезную полемику. В Германии в 1900 г. вышли в свет в не урезанном цензурой виде два первых тома сочинения В.А.Бильбасова, посвященные подготовке, проведению и последствиям переворота 1762 г.; был опубликован и 12-й том с обзором иностранных источников по теме.⁵¹ Иные из таких монографий по причине «неприличия к разглашению» так и остались в рукописи и были опубликованы только совсем недавно, как сочинение барона М.А.Корфа о «брауншвейгском семействе».

В начале прошлого века появились работы о «падении» канцлера А.П.Бестужева-Рюмина и Лестока; вышла первая специальная монография Б.Л.Вяземского о Верховном Тайном совете; в книгах В.Н.Строева и В.Н.Бондаренко о царствовании Анны Иоанновны обозначилась тенденция к пересмотру безусловно отрицательных его оценок как времени упадка и господства иноземцев.⁵² К юбилею Сената в 1911 г. вышло многотомное коллективное исследование по истории этого учреждения; затем были опубликованы богато документированная история императорского Кабинета и ряд других работ.⁵³ Появились многотомные «истории» Преображенского и Семеновского полков, а также чрезвычайно информативная монография С.А.Панчулидзева о кавалергардах. Обширные полковые архивы дали авторам немало информации о формировании этих частей, смене офицерского и командного состава, а также об участии гвардейцев в придворной борьбе.⁵⁴

Поставленные в трудах Соловьева проблемы заинтересовали и историков права. А.Д.Градовский одним из первых отметил, что исторический опыт показал несостоятельность «великодушных намерений» Петра I создать новый порядок престолонаследия, и проследил, как с помощью «государственных переворотов» менялись принципы этого важнейшего монархического государственного устройства.⁵⁵ «Мы встречаем самые разнообразные способы занятия престола от законного наследования детей после родителей и до государственного переворота включительно», — так оценивал этот период в своем учебнике В.Н.Латкин. Он же обратил внимание на исключительный характер власти самого Петра I, изменившего, по его мнению, «весь общественный и государственный строй древней России», хотя после его смерти «старые традиции стали снова оживать». Автор отметил и споры коллег-юристов по поводу полномочий Верховного Тайного совета — в частности, ограничения им прерогатив самодержавной власти *de facto* и *de jure*.⁵⁶

Причины «беззакония» в вопросе престолонаследия попытался впервые сформулировать И.И.Дитятин в статье, очевидно, не случайно появившейся в 1881 г., когда самодержавие впервые за много лет столкнулось с покушением на власть и жизнь монарха. Ученый отметил принципиальные особенности верховной власти, в той или иной мере сохранившиеся до конца XIX в. Это, во-первых, отсутствие «единообразного порядка» в государственном устройстве, когда «в течение всего XVIII столетия ни один носитель верховной власти не назначался на престол законом самим»; во-вторых, нежелание самой власти хоть как-то обозначить пределы своих полномочий; наконец, «личный характер службы, личное начало», определявшее отношения монарха и его слуг.⁵⁷

Профессор Дерптского университета А.Г.Брикнер задумал впервые обобщить накопленный материал для создания труда по истории послепетровских царствований 1725–1762 гг. по образцу написанных им «Истории Петра I» и «Истории Екатерины II», но закончить работу не успел. Ее итогом стали помещенные в разных периодических изданиях статьи, представляющие и сейчас немалый интерес, поскольку они были написаны с привлечением обнаруженных автором дипломатических документов из архивов Берлина, Вены, Стокгольма. Но в самих событиях Брикнер видел только столкновение личных выгод вельмож и не усматривал никакого «политического элемента».⁵⁸

Постоянно вводимый в оборот фактический материал и характерное для науки второй половины XIX столетия внимание к социальным проблемам вызывали и несогласие с заданной Соловьевым концепцией. «Время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II можно назвать эпохой дворцовых переворотов. Дворцовые перевороты у нас в XVIII веке имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивало самые основы государственного порядка», — подводил итог этому периоду В.О.Ключевский в IV томе своего «Курса русской истории», готовившегося к печати в 1907–1909 гг.

Главной чертой этого явления Ключевский считал выдвигание новой господствующей силы, «дворянства с гвардией во главе», ставшей «политической школой» этого сословия, формировавшей его взгляды и помогавшей удовлетворению его притязаний. Так ученый впервые поставил вопрос о необычной для других европейских держав социально-политической роли гвардии. Соловьев видел в ней только «лучших людей» страны, усилиями которых произошло в 1741 г. «возвращение к правилам Петра Великого»; с точки же зрения Ключевского царствование Елизаветы, напротив, явилось «крутым поворотом от реформы Петра I», и именно гвардия способствовала становлению режима «дворяновластия». Шляхетство получило «законодательное удовлетворение важнейших нужд и желаний», поскольку на этом пути «нужды казны дружно встретились со стремлениями дворянства»; в результате Россия отстала от других европейских стран «на крепостное право».⁵⁹

Отметил он и развитие этой политической роли гвардии на протяжении послепетровской эпохи: по его мнению, «в 1725, 1730 и 1741 гг. гвардия устанавливала или восстанавливала привычную верховную власть в том или другом

лице, которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти. В 1762 г. она выступала самостоятельной политической силой, притом не охранительной, как прежде, а революционной, низвергая законного носителя верховной власти, которому сама недавно присягала». Впрочем, историк скептически оценивал степень политического прогресса российской государственности: «Дворцовое государство преемников Петра I получило вид государства сословно-дворянского. Правовое народное государство было еще впереди и не близко». В другой лекции приговор был еще более строгим: «Гвардия могла быть под сильной рукой только слепым орудием власти, под слабой — преторианцами или янычарами». Еще ниже Ключевский оценивал достоинство самих правителей той поры, которую для себя определил уже совсем нелестно «эпохой воровских правительств».⁶⁰

Ученый первым постарался уловить внутренний механизм политических потрясений этого периода, к которым его предшественники подходили, прежде всего, с их внешней стороны. К сожалению, он не стал развивать далее собственные подходы; его литературное мастерство и талант рассказчика способствовали закреплению сложившихся штампов известных событий, некритически воспроизведенных в «Курсе русской истории», — вроде описания предсмертной попытки Петра написать имя наследника или характеристики «иноземного ига» при Анне Иоанновне, когда «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка», и вызвали жестокие казни, «шпионство» и упадок «народного хозяйства».⁶¹

О социальных последствиях «эпохи дворцовых переворотов» писали и ученики Ключевского в условиях начала XX века, когда обсуждение проблем государственного устройства страны полуторауголовой давности становилось весьма злободневным. М.М.Богословский и П.Н.Милюков, в отличие от своего учителя, видели в событиях 1730 г. не только конфликт «органов правительства между собою за распределение власти», но и борьбу за конституцию, отвечавшую «интересам всего общества». Но «конституционалисты» и «верховники» не сумели договориться, и страна «пошла далеко не тем путем, о котором мечтали руководители движения 1730 г.».⁶²

Позиция С.Ф.Платонова и другого ученика Ключевского М.К.Любавского была более традиционной. Для них 1725–1762 гг. оставались «темным периодом» нашей истории; в действиях сторонников Петра II в 1725 г. и «верховников» 1730 г. они видели преимущественно «реакционные стремления к старым московским порядкам» и попытки установить «аристократическое правление», а в событиях 1741 г. — свержение ненавистного «немецкого режима» русской гвардией, отражавшей интересы дворянского класса.⁶³

Наметившееся на рубеже XIX–XX вв. обсуждение проблемы и ее распространение «вширь» — в сферу изучения повседневной работы государственного аппарата — продолжения не получило. В советское время наступил длительный перерыв в изучении политического механизма российской государственности — в значительной степени благодаря смене приоритетных направлений исторических исследований. Лишь в начале 20-х гг. «по инерции» вышло несколько работ, посвященных отдельным событиям политической борьбы послепетровской эпохи.⁶⁴

Предпринятая М.Н.Покровским попытка пересмотреть русскую историю с марксистской точки зрения привела к созданию вульгарно-материалистической концепции. Получалось, что проводников буржуазной политики в Верховном Тайном совете в 1730 г. сменили ставленники западноевропейского капитала во главе с Бироном, которых, в свою очередь, свергли в 1741 г. представители «дворянского управления», или «нового феодализма». ⁶⁵ Затем в исторической литературе прочно утвердилась формула В.И.Ленина: «Перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой». Пафос ленинской речи на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г. был направлен на решение грандиозной задачи социального переворота: дать «всем трудящимся возможность легко приспособиться к делу управления государством и созданию государственного распорядка» и заменить в этой сфере «всех имущих, всех собственников». ⁶⁶

С этой точки зрения перипетии борьбы за власть между отдельными группировками навсегда свергнутого класса не имели никакого значения и уж тем более не заслуживали изучения. Неудивительно, что в учебниках и обобщающих трудах по отечественной истории 1930–1970-х гг. на первый план выдвигалась социально-экономическая сфера исторического процесса и классовая борьба как «двигатель общественного развития». В политической же сфере преимущество отдавалось освещению петровских преобразований и их роли в преодолении отсталости России. Возможно, как раз поэтому все проявления оппозиции этим реформам воспринимались как однозначно реакционные попытки реставрации допетровских порядков. В итоге произошло своеобразное возрождение «охранительной» оценки действий противников воцарения Екатерины I в 1725 г. и «верховников» в 1730 г. как попыток установления правления старинных боярских родов. Предельно негативно оценивалась и «бириновщина», представлявшаяся «кровавым правлением шайки иноземных угнетателей». ⁶⁷

Что же касается собственно дворцовых переворотов, то в учебной литературе утвердилась пренебрежительная оценка этого явления как «борьбы придворных аристократических группировок за власть, за право безнаказанно расхищать казну и грабить государство». ⁶⁸ Изучение этих процессов заменялось социологическими штампами и фразами об «альтернативных переворотах», совершаемых без всякого участия народа. Альтернативой формулировкам учебников становились лишь романы В.Пикуля с принципиально упрощенным до уровня анекдота восприятием прошлого, но зато выдержанные в патриотическом смысле. ⁶⁹

Незамеченными на фоне утвердившихся оценок проходили немногие работы, посвященные послепетровской эпохе и ее драматическим коллизиям. ⁷⁰ Так, например, Г.А.Некрасов пришел к выводу, что, несмотря на некоторые колебания, во внешней политике страны в 1725–1740 гг. сохранялась «преемственность петровской традиции», а сама эта политика была вполне прагматичной и последовательной в достижении поставленных целей: укрепление завоеванного положения на Балтике, усиление своего влияния в Речи Посполитой и борьба с Турцией за выход к

Черному морю. Е.И.Индова сумела на материалах дворцового архива показать, как конфискации и раздачи дворцовых земель совпадали с очередными переворотами. ⁷¹

Лишь немногие авторы рассматривали проблему политической борьбы и пытались увидеть в ней нечто большее, чем передачу власти от одной «кучки» феодалов другой: реакцию дворянства на усиление абсолютной монархии. По мнению Я.Я.Зутиса, «бириновщина» была не анти-, а продворянской политикой, или «системой террора, в интересах русского дворянства направленного против «старых фамилий» или знати», в которой «немцы» были только исполнителями. Эта политика — за вычетом террора — продолжалась и позднее; так что «по своей классовой сущности елизаветинское царствование отнюдь не было отрицанием бириновщины, а его естественным продолжением». ⁷²

В начале 60-х гг. к проблеме обратился С.М.Троицкий — ему принадлежит специальный и единственный пока очерк историографии «эпохи дворцовых переворотов», где ученый показал существование различных подходов к проблеме в науке. Пытаясь дать этим точкам зрения оценку в соответствии с ленинской концепцией, историк видел истинные причины дворцовых переворотов «в обострении внутрикласовых противоречий среди господствующего класса феодалов, что было связано с консолидацией его в единое привилегированное сословие и обострением антифеодальной борьбы трудящихся масс». И все же перспективу дальнейших исследований Троицкий связывал не с изучением антифеодальной борьбы, а с монографической разработкой «истории господствующего класса феодалов» (что отчасти успел сделать в своей последней работе), а также «тех форм, которые принимала борьба между отдельными прослойками феодалов в тот или иной период». ⁷³

Тогда же С.О.Шмидт попытался дать новую трактовку этого периода русской истории. В опубликованной на французском языке статье о внутренней политике России в середине XVIII в. и последующих работах Шмидт выступил против сложившегося с подачи В.О.Ключевского образа периода 1725–1762 гг. как «эпохи социально-политической летаргии, нарушаемой лишь время от времени шумом дворцовых переворотов». Основной смысл внутренней политики в это время ученый связал с «просвещенным абсолютизмом», в котором видел «интенсивное государственное и культурное строительство»: серию реформ, направленных на модернизацию российских порядков в новых условиях при сохранении дворянских привилегий. Он указывал, что не только собственно перевороты, но и гвардия, и «сильные люди» являлись своеобразными политическими институтами, и подчеркивал преимущественно «мирный характер» дворцовых переворотов XVIII столетия, в отличие от стрелецких выступлений 1682 г., обусловленный как принципиальным союзом верхушки русского дворянства, в лице гвардии, и государя, так и тем, что перевороты «мало касались бюрократии, даже высшей». ⁷⁴

Как отметил недавно М.М.Кром, состоявшееся в 60-х гг. прошлого века «возвращение» политической истории в круг основных изучаемых проблем

началось с эпохи средневековья в трудах А.А.Зими́на, С.О.Шмидта, Р.Г.Скрынникова, Н.Е.Носова, Ю.Г.Алексеева и ряда других историков. Затем настала очередь сюжетов XIX в. Предложенное С.М.Троицким монографическое изучение политической борьбы XVIII столетия нашло свое осуществление несколько позднее, с выходом книг Н.Я.Эйделямана о царствовании Павла I и дворцовом перевороте 11 марта 1801 г. и Н.И.Павленко о Меншикове и других «птенцах гнезда Петрова».⁷⁵

Спустя несколько лет к ним добавилась монография Е.В.Анисимова об эпохе правления императрицы Елизаветы, где подробно рассматривалась «переворотная ситуация» 1741 г. По мнению историка, ее особенностями являлись, во-первых, самостоятельное осуществление переворота гвардейскими низами, «солдатством»; во-вторых, «антинемецкий» и патриотический характер переворота, что свидетельствует о «высоком уровне общественного сознания если не всего русского общества, то, по крайней мере, его широких столичных кругов»; третьей специфической чертой переворота он считал активное вмешательство во внутривнутриполитический конфликт иностранной — французской и шведской — дипломатии в своих интересах. Выделил Анисимов и еще одну особенность: пропагандистскую кампанию с целью убедить подданных в законности власти Елизаветы и заклеить предшествовавшее «засилье иноземцев».⁷⁶ В предисловии к публикации источников об «эпохе дворцовых переворотов» он подчеркнул обозначенную еще в XIX в. причину политических потрясений — ликвидацию сословно-представительных институтов, что привело к «сужению социальных основ власти, к возможности проявления насилия».⁷⁷

В своей новой работе о послепетровской России Е.В.Анисимов подробно рассказал о царствовании Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны; из интересующих нас сюжетов он рассматривал только события 1730 г., охарактеризовав их как «олигархический переворот», а спор за власть после смерти Петра I оценил как «типичный военный переворот». В биографии императрицы Елизаветы исследователь повторил свои выводы о характере и особенностях переворота 1741 г., хотя и с оговорками относительно отнюдь не массового, а специфически гвардейского «патриотизма» и отсутствия на деле «свирепого режима иностранных порабитителей».⁷⁸

А.Б.Каменский в книге о времени Екатерины II заново проанализировал заговор 1762 г. и его отличия от переворота 1741 г.⁷⁹ В последнее время появились самостоятельные исследования, посвященные наиболее важным политическим событиям первой половины XVIII в. и их главным героям — царевичу Алексею, князю Д.М.Голицыну, Н.И.Панину, Екатерине II.⁸⁰

Указанные работы представляют целое направление в освещении русской истории XVIII столетия, которое можно назвать преимущественно историко-биографическим. С начала 90-х гг. XX в. появились перепечатки дореволюционных работ.⁸¹ Был опубликован в двух вариантах труд барона М.А.Корфа и В.В.Стасова о «брауншвейгском семействе» правительницы Анны Леопольдовны и императора Ивана Антоновича.⁸² Стали выходить статьи и книги, посвященные династии Романовых, в том числе и ее представителям, правившим в XVIII в.⁸³

В таком же ключе написана работа Н.И.Павленко о послепетровской эпохе, состоящая из очерков и портретов ее крупнейших деятелей. Книга как бы суммирует накопленные в литературе сведения и представления о дворцовых переворотах и их участниках. Оценки же автора носят довольно общий характер — как, например, выводы о том, что «три силы управляли государством российским... бюрократия, фавориты, вельможи»; что «сила торжествовала над правом» или что гвардейские полки при Петре и его ближайших преемниках «представляли собой однородную силу с группировками, борющимися за власть». Исследователь не ставил своей задачей подробный анализ развития политической борьбы и ее форм.⁸⁴ Новацией можно, пожалуй, считать его предложение (в последнем учебнике для вузов) переименовать «бироновщину» в «остермановщину», под которой понимается уже весь период 1725—1741 гг.⁸⁵

Другое выделенное в 90-е гг. прошлого века направление в науке рассматривает политическую историю на новом уровне, с применением новых подходов, которые М.М.Кром определил как «политическую антропологию», включая в эти рамки «культурные механизмы» функционирования власти, представления о ней в обществе, анализ государственной символики, изучение патронажно-клиентских отношений и других форм политического поведения.⁸⁶ Работы такого плана уже имеются в науке: это исследования символики царских коронационных торжеств XVIII—XIX вв., народных представлений о царской власти в XVII столетии, попытки объяснения расцвета в XVIII в. фаворитизма или нюансов психологии дворянства и городских слоев.⁸⁷

Появились попытки проследить процесс формирования российской политической элиты, в которых авторы пока опираются на сложившиеся в дореволюционной историографии положения: так, например, политическая борьба в 1725—1762 гг. объясняется противостоянием «старомосковской аристократии» и «новой дворянской элиты».⁸⁸ Однако единственная монография, посвященная развитию патронажно-клиентских отношений в правящей среде России, охватывает слишком большой период и потому не выделяет конкретной специфики исследуемого нами этапа.⁸⁹

В несколько более традиционной области изучения политических институтов важные замечания о политических событиях послепетровского времени содержатся в статье Д.Н.Шанского. Автор обратил внимание на стабильность высших советов при особе монарха, являвшихся, таким образом, специфическим и необходимым «институтом русского абсолютизма» в условиях незрелости и ненадежности государственного аппарата и вовсе не стремившихся к установлению олигархического режима.⁹⁰ В.П.Наумов исследовал механизм работы и принятия решений елизаветинской Конференции при высочайшем дворе и Императорского совета Петра III.⁹¹ М.В.Кричевцев рассмотрел роль Кабинета — личной канцелярии монарха — в структуре государственных органов при Елизавете и Петре III.⁹²

В монографии Н.Н.Петрухинцева исследуется такой важнейший для состояния империи сюжет, как военная политика, и в связи с этим — борьба группировок при дворе Анны Иоанновны в 1730—1732 гг.⁹³

Ряд работ Ю.Н.Смирнова посвящен специфической роли российской гвардии как особого и чрезвычайного «административного ресурса» петровских преобразований. Сохранившаяся и в послепетровское время практика участия гвардейцев в делах управления и назначений их на важнейшие государственные посты в сочетании с культом «сильного и доброго» императора-отца формировала особую гвардейскую психологию и сознание своего права вмешиваться в решение династических проблем. При этом автор показал определенную эволюцию этого вмешательства — от выступления в качестве «орудия» придворных группировок до солдатского «мятежа», — хотя и не подтверждая свои наблюдения ссылками на документальный материал.⁹⁴

В области освещения внешней политики данной эпохи можно назвать обобщающий труд из пятитомной «Истории внешней политики России», в котором сделан вывод о преемственности военных и дипломатических усилий России по сравнению с петровским царствованием — и в то же время о наличии известных его колебаний под влиянием борьбы дворянских группировок (хотя эта сторона как раз не получила подробного раскрытия).⁹⁵ Монография П.П.Черкасова, основанная в значительной части на неопубликованных документах из архива МИД Франции, освещает, в том числе, проблему влияния иностранной дипломатии на российскую внутреннюю и внешнюю политику.⁹⁶ К ней примыкает и ряд других работ, изучающих внешнюю политику России в послепетровское время.⁹⁷

В обобщающих трудах, посвященных развитию политического строя России, этот период оценивается по-разному. А.Н.Медушевский причинами династических кризисов считает «неоднородность правящего слоя, противоречия внутри него, различие интересов и отсутствие единой политической программы», а также «особый способ организации власти и механизм принятия решений в рамках узкой дворцовой олигархии», хотя суть этого механизма автор не раскрывает и в целом полагает, что «за преобразованиями Петра следует консервативная политика его преемников».⁹⁸ В другой работе историк считает определенной политической новацией усвоение «стереотипов европейской массовой культуры», в том числе появление фаворитизма как «негативного фактора в кризисных ситуациях», хотя и отмечает эволюцию этого института в сторону его укоренения в «местной социальной среде».⁹⁹

Точка зрения Е.В.Анисимова, отраженная в коллективной монографии петербургских историков, более оптимистична, хотя и несколько противоречива. Автор убежден, что «в целом нет оснований говорить о подрыве престижа самодержавия, упадке страны, кризисе в обществе и в экономике»; но в то же время пишет о «проявлениях серьезного кризиса народного хозяйства после разорительной Северной войны» и «серьезнейшем династическом кризисе». Главную причину «хрупкости» власти конкретных преемников Петра он находит в принципиальном «внутреннем пороке» российской государственности — отсутствии каких-либо правовых механизмов, которые бы смогли обеспечить прочное существование и функционирование самодержавия в системе власти, но в то же время приводили к юридическому определению компетенции самодержца

и тем самым неизбежно отнимали бы часть его власти. В то же время историк отмечает своеобразное разделение полномочий в системе исполнительной власти, имевшей три центра: высшие и центральные государственные учреждения (Сенат, Синод, коллегии); советы при особе государя; фавориты.¹⁰⁰

М.А.Бойцов вывел «эпоху дворцовых переворотов» за привычные хронологические рамки, доведя ее до 1825 г. В политической нестабильности он видит неизбежную «плату за реформы» Петра, когда «изменения в политической культуре общества не поспедали за реформами; облик, стиль поведения и властвования верхушки новой, императорской России настолько не соответствовали прочно укоренившимся стереотипам массового сознания в отношении царя и его окружения, что породили глубокое отчуждение (не социальное — оно и так издавна было, а именно психологическое) подданных от петербургской власти». Одновременно автор поставил дворцовые перевороты в один ряд с самозванчеством, в качестве разных проявлений одного типа политической культуры, в основе которого лежал «недостаток публично-правового начала в политической жизни России».

Он же выделил и два различных типа переворотов: относительно «мирное» отстранение государя, регента, важнейшего сановника от власти — и наступивший на рубеже сороковых годов «классический для русской истории этап военного переворота», закономерности которого усматривал в «нарастании жестокости» и росте от раза к разу числа участников заговора.¹⁰¹

В последней работе А.Б.Каменского о реформах XVIII в. «эпоха дворцовых переворотов» была как бы окончательно «вписана» в поступательное развитие России по пути модернизации. Анализ законодательства привел автора к убеждению, что внутренняя политика наследников Петра являлась не попыткой возвращения в прошлое, а прагматичной «корректировкой последствий реформ», завершившейся к концу 40-х гг.; только короткое царствование Петра III он рассматривает как разрыв или «отказ от преемственности» на этом пути.¹⁰²

Зарубежная историческая наука сравнительно мало интересовалась сюжетами «эпохи дворцовых переворотов»: они затрагивались прежде всего в биографических работах о российских государях или государственных деятелях.¹⁰³ В обобщающих трудах эти события, как правило, трактовались с позиций дореволюционной консервативной историографии: речь шла о победе после смерти Петра «старорусской партии», желавшей вернуть Россию назад; о господстве и последующем свержении «иностранной власти»; о личном безрассудстве Петра III,¹⁰⁴ а также о неблагоприятном впечатлении, производимом на Западе российской политической нестабильностью, которая представляется характерной чертой «русской политической культуры» того времени.¹⁰⁵ Некоторое исключение представляют опять же события 1730 г., рассматриваемые как возможный «поворотный пункт в русской истории» и попытка установления новой «формы правления» по западным образцам.¹⁰⁶ Впрочем, некоторые авторы сомневаются в наличии у «верховников» планов модернизации политического строя.¹⁰⁷

Политическая активность дворянства и характер придворной борьбы рассматриваются ими преимущественно с точки зрения взаимодействия различных группировок знати, к которым примыкало мелкое «шляхетство», исходя прежде всего из унаследованных от прошлого «патронажно-клиентских связей».¹⁰⁸ В последнее время эта точка зрения получила распространение и привела ее приверженцев к выводу: борьба кланов, или «сетей протекции», в итоге исключала какие-либо совместные действия, которые могли бы привести к изменениям самой самодержавной монархии.¹⁰⁹

На практике этот принцип попытался применить Д.Ле Донн. Он отказался от традиционного противопоставления родовитого и нового дворянства в послепетровскую эпоху, предполагая, что в среде российской знати был достигнут консенсус по отношению к результатам реформ, но одновременно создана широкая сеть покровительственных отношений. Столкновения отдельных групп в рамках такой структуры исключали появление «институциональных интересов» сословия.¹¹⁰

По мнению исследователя, механизм российской политической системы заключался, прежде всего, в борьбе сменявших друг друга или деливших власть нескольких «опорных» руководящих кланов (Салтыковых, Нарышкиных, Трубецких). Исследователь попытался проследить воздействие возникавших политических комбинаций на работу административной машины, результатом чего стал анализ кадровых назначений в системе управления.¹¹¹ Однако, как будет показано ниже, составленные Ле Донном схемы не всегда «работают» при изучении конкретных ситуаций, поскольку основаны исключительно на родственных связях; кроме того, они нуждаются в дополнениях и уточнениях. Последнее замечание не является упреком в адрес исследователя, а скорее характеризует трудности и современный уровень разработки генеалогических материалов. Выводы Ле Донна в целом были приняты, хотя иные исследователи указывали, что выделенные им «патронажные сети» оказываются весьма непохожими на западные аналоги, где родство было не единственным образующим фактором.¹¹²

Можно также выделить небольшую, но интересную, благодаря использованному архивным данным, работу Д.Кипа, посвященную позиции гвардии накануне переворота 1741 г.¹¹³ Заслуживает внимания и недавняя попытка К.Леонард добиться «историографической реабилитации» Петра III как политика и человека, предпринятую вслед за аналогичным намерением петербургского исследователя А.С.Мыльникова. Однако анализ внутри- и внешнеполитической деятельности Петра III в работе Леонард соседствует с отрицанием весомости российских источников как якобы заведомо предвзятых; симпатии к нему как к человеку переносятся на представления о нем как о правителе без достаточных на то оснований.¹¹⁴

Иногда даже работы последних лет подходят к проблеме несколько упрощенно. Так, в книге Ф.-Д.Лиштенан двор Елизаветы представлен как абсурдное «дисфункциональное пространство, где правили зависть, интриги и недоверчивость». Там, по мнению автора, боролись «два основных клана: «бояре», возводившие свой род к Рюрику или Гедимину, и слу-

жилое дворянство, возвысившееся в результате петровских реформ»; при этом члены каждой группировки были подкуплены той или иной из европейских держав. Неудивительно, что и сам переворот 1741 г. автор по восходящей к тому же веку традиции рассматривает как дело рук французского посла.¹¹⁵

Как уже отмечалось в литературе, специальные исследования «переворотной» проблематики практически не отражаются в массовой учебной литературе, для которой послепетровская эпоха по-прежнему остается «темным периодом».¹¹⁶ Авторы современного вузовского учебника по истории России вообще устранились от каких-либо объяснений причин дворцовых переворотов, при сохранении некоторых прежних оценок о противостоянии старой и новой знати, о «влиянии иностранцев».¹¹⁷ В обобщающем труде по истории Европы период 1725–1762 гг. без каких-либо обоснований выпал из очерка о развитии государственного строя России в XVIII в.¹¹⁸

Пресловутое «засилье иностранцев» до сих пор украшает вузовские и школьные учебники. Самый массовый из них даже утверждает, что именно Бирон и прочие «немцы» перенесли в Петербург «распушенность нравов и безвкусную роскошь, казнокрадство, взяточничество, беспардонную лесть, пьянство, азартные игры, шпионство и доносительство», чем, очевидно, заразили трезвых и чистосердечных россиян.¹¹⁹ Но и другие учебные пособия внушают все те же штампы о выступлении «родовой аристократии» против петровских реформ, о «глухом времени иностранного засилья», которое даже «грозило довести страну до развала», если бы к власти не пришла дочь Петра Елизавета.¹²⁰

Я.А.Гордин видел в гвардейских полках своеобразный российский «парламент», занявший место, «которое осталось вакантным после упразднения Земских соборов».¹²¹ Иные авторы как будто и не представляют себе реалий XVIII столетия, когда заявляют, что «самодержавная власть вызывала недовольство крестьян», а их господа всерьез увлекались «идеями свобод и вольностей».¹²² В итоге даже в специальных научных курсах проблема подменяется простым перечислением соответствующих эпизодов.¹²³ В литературе междисциплинарного типа ситуация сходная. В работах по истории государства и права и соответствующих словарях дворцовые перевороты или не упоминаются,¹²⁴ или объясняются недовольством «более широких слоев правящего класса», в результате чего «гвардия начинает диктовать свои условия (кондиции), которые вынуждены принимать монархи».¹²⁵

Порой же анализ событий подменяется поверхностной публицистикой. В таких сочинениях послепетровская эпоха оценивается как безысходный «тупик» или трактуется в стиле романов середины позапрошлого века: «Бездушные люди, убогие времена, проматывающие ранее приобретенное», — а их авторы обличают злодеев-временщиков, чьим главным орудием была «чувственность».¹²⁶ В потоке статей и эссе с налетом сенсационности можно встретить и утверждения о пугачевском восстании при... Елизавете или рассуждения о «колонизации России активными европейскими жуликами».¹²⁷ Подобные, мягко говоря, поверхностные оценки

закрепляются в массовом сознании с помощью перепечаток дореволюционных — и отнюдь не самых лучших — исторических романов о «дворцовых тайнах»¹²⁸ или фильмов в стиле «русского вестерна» с патриотическим уклоном.¹²⁹ Лишь немногие публикации отличаются серьезным подходом к источникам и находками новых документов.¹³⁰

Как можно видеть, тема только начинает серьезно изучаться на новом уровне. Уход от обусловленных идеологией формулировок сменился появлением различных подходов к проблеме развития российского государства и общества послепетровской эпохи, что можно только приветствовать. Однако отсутствие специального исследования такого специфического института, служившего «регулятором» российского самодержавия, как «переворотство», приводит к терминологической неясности (когда, например, вступление на престол Екатерины I оценивается и как «избрание», и как «типичный военный переворот») и полярно противоположным оценкам — например, знаменитых событий 1730 г.

В статье 1995 г. нами уже была предпринята попытка выделить особенности российского «переворотства» как своеобразного механизма разрешения противоречий в правящей верхушке и проследить закономерности развития этого процесса, представлявшего, по нашему мнению, довольно устойчивый компонент политической культуры в условиях самодержавия.¹³¹ Затем в ряде опубликованных работ нашли отражение проведенные нами исследования и архивные находки.¹³²

Источники

Интерес к загадочным и драматическим событиям дополнялся особым значением для правящего сословия любых перемен на «верху» сверхцентрализованной державы. Редкий из родов дворянской элиты XVIII—XIX вв. не испытал на судьбе своих членов превратностей политического развития страны. Взлеты и падения целых фамилий, чередования милостей и опал прочно держались в памяти даже спустя несколько поколений; стоит вспомнить, как Пушкин прямо связывал свою судьбу с поведением деда, оставшегося верным Петру III во время переворота 1762 г.

Тайны придворной жизни неизбежно привлекали внимание современников и потомков. Но по понятным причинам именно эти сюжеты российской политической истории скрывались. Официальные манифесты о многом умалчивали и многое искажали; дворцовые интриги и суматоха ночных переворотов не способствовали созданию и хранению компрометирующих документов; написанные на склоне лет мемуары не всегда предполагали открытие истины, тем более что у их авторов еще должна была появиться потребность размышлять над прошлым. Фигуры петровской эпохи — в основном люди действия, а не мысли; герои событий 1725 г. и последующих лет в подавляющем большинстве воспоминаний не оставили.

Секретные документы, затрагивавшие престиж династии, тщательно охранялись в архивах. Порой некоторые факты оставались загадкой даже для самой власти: так, Павел I, вступив на престол, стал выяснять судьбу своего свергнутого и убитого в 1762 г. отца Петра III, всерьез предпола-

гая, что он мог быть еще жив; через сто лет правнук Павла Александр III столь же серьезно расспрашивал историка Я.Л.Барскова, чьим все-таки сыном был сам Павел.¹³³

Отдельные факты, вероятно, так и не найдут на этих страницах убедительного объяснения: историку не всегда дано до конца постичь «дух времени» и характеры своих героев; некоторые подробности событий по-прежнему останутся неизвестными, поскольку далеко не все документы о дворцовых тайнах дошли до нашего времени. Рукописи горели, терялись, тщательно редактировались, уничтожались или фальсифицировались заинтересованными лицами. Так, например, идут споры о подлинности известного письма А.Г.Орлова об убийстве Петра III; до сих пор не обнаружен конституционный проект 1772 г., в составлении которого участвовал наследник Павел Петрович.

Многие же события — и в XVIII, и даже в XX в. — вообще не фиксировались документально. Они оставались в памяти очевидцев и участников в виде слухов, семейных преданий, легенд и анекдотов, в некоторой степени компенсируя отсутствие подобной информации или ее искажение в официальной истории. Историки дорого дали бы за возможность послушать, например, застольные «поверенные» разговоры Никиты Ивановича Панина в кругу друзей «о настоящей причине смерти блаженной памяти государя Петра Великого», последних дней Петра II, «революциях при Анне Иоанновне» или «некоторых придворных обстоятельствах» царствования Елизаветы.¹³⁴

Политические события обсуждали не только в столичном кругу, но и в провинциальных усадьбах, как это делали отец будущего поэта и министра И.И.Дмитриева и его гости. По вечерам в гостиной «с таинственным видом, вполголоса начинали говорить о политических происшествиях 1762 г.; от них же восходили до дней могущества принца Бирона, до превратности счастья вельмож того времени». Спустя много лет эти предания стали собирать заинтересованные авторы, как М.А.Фонвизин или князь П.В.Долгоруков.¹³⁵ Наличие таких сведений, столетие хранившихся в качестве слухов, преданий и «анекдотов», зачастую не поддающихся проверке, составляет особенность круга источников по избранной теме; их жанр П.В.Долгоруков определил как «интимную хронику императорского двора».¹³⁶

Однако уже в первой половине XIX в., тогда же, когда появились первые работы о преемниках Петра I, стали публиковаться и некоторые источники, в том числе сочинения Феофана Прокоповича о смерти Петра I и воцарении Анны Иоанновны, записки испанского посла герцога де Лириа и близких ко двору В.Нащокина и Н.Вильбуа; с 1853 г. началось издание официальных придворных камер-фурьерских журналов петровского и последующих царствований.¹³⁷

Другие ценные материалы «потаенной» истории открыли лондонские издания Вольной типографии А.И.Герцена. Здесь впервые вышли на русском языке записки Е.Р.Дашковой и Екатерины II, введение к конституционному проекту Н.И.Панина и Д.И.Фонвизина, материалы о деле Алексея, убийствах Петра III и Павла I, восстании 1825 г. и многое другое, что вскоре уже читалось по всей России. В том же ключе были выдержаны и публикации другого эмигранта — князя П.В.Долгорукова.

Новый этап в освоении и издании источников «эпохи дворцовых переворотов» наступил с начала 60-х гг. XIX в.: свет увидели не только многочисленные и указанные выше работы и статьи, но и объемистые публикации документов по интересующей нас эпохе, посвященные Меншикову, следственным делам Артемия Волынского, Бирона, князей Долгоруковых, обстоятельствам восшествия на престол Елизаветы.¹³⁸

Важным рубежом в освоении новой истории России стало появление специализированных исторических журналов — «Русского архива» П.И.Бартенева (1863 г.) и «Русской старины» М.И.Семевского (1870 г.). В «Русском архиве» помещались материалы о «деле» новгородского архиепископа Феодосия Яновского, выдержки из допросов арестованных в ходе переворота 1741 г. министров, биография и письма Бирона, русский перевод записок Бассевича о событиях 1725 г., мемуары С.Р.Воронцова и барона А.Ассбургера о перевороте 1762 г.¹³⁹

Вместе с журнальными публикациями П.И.Бартенев выпустил в 1868–1869 гг. сборник «Оснадцатый век», значительная часть материалов которого была посвящена той же эпохе: письма Остермана, первые манифесты Екатерины II. Он же приступил к изданию семейного архива князей Воронцовых, где, в числе прочего, помещались материалы о переворотах 1741 и 1762 гг. — например, первое российское издание записок Е.Р.Дашковой на французском языке.¹⁴⁰ В «Русской старине», помимо очерков о судьбе князей Долгоруковых при Анне и Бироне, помещались подборки материалов, посвященные таким деятелям, как Д.В.Волков, А.П.Волынский, Е.Р.Дашкова; переписка Петра III с Фридрихом II, памфлет М.М.Щербатова «О повреждении нравов в России».¹⁴¹

Таким образом, именно во второй половине XIX — начале XX в. был в основном выявлен круг мемуарных свидетельств и записок деятелей и участников событий 1725–1762 гг., которые являются наиболее известной и давно введенной в научный оборот группой из использованных в работе источников.

Немногие дошедшие до нас мемуары современников «эпохи дворцовых переворотов» в лучшем случае бесстрастно сообщали о «происшествиях»: «Ноября 8 вышеобъявленный регент Бирон в ночи взят под караул фелтмаршалом Минихом и сослан в ссылку»,¹⁴² в худшем — глухо упоминали о «великих переменах в правлении».¹⁴³ Иные же жизнеописания «летописного типа» (по классификации А.Г.Тартаковского) вообще не касались этих тем, хотя «перемены» порой напрямую затрагивали их авторов, как Г.П.Чернышева или Н.Ю.Трубецкого.¹⁴⁴ Было ли тому причиной отсутствие стимулов к мемуарному творчеству у поглощенных службой людей первой половины XVIII столетия? Или авторы записок даже наедине с собой не считали возможным дать более эмоциональную оценку — а возможно, намеренно не раскрывали своих чувств, как полагал А.Г.Тартаковский?¹⁴⁵ Но следует признать, что, за немногими исключениями (как, например, мемуары Я.П.Шаховского), записки русских людей той поры скупо освещают интересующие нас события.

До известной степени эта скудость компенсируется сочинениями иностранцев, появившимися в печати уже во второй половине XVIII в. С 1770 г. стали публиковаться (в Лондоне, Лейпциге, Амстердаме) интереснейшие

мемуары Х.-Г. фон Манштейна; в Копенгагене вышло сочинение о русском дворе Б.-Х.Миниха (1774 г.), в Париже — записки испанского посла в России времен Петра II и Анны Иоанновны Я. де Лириа (1788 г.).¹⁴⁶ В немецком издании А.-Ф.Бюшинга увидели свет важнейшие для послепетровской эпохи источники: дневник Ф.-В.Берхгольца (1785–1788 гг.), записки графа Г.-Ф. фон Бассевича (1775 г.) и Э.-И.Бирона (1783 г.). В 1789 г. были напечатаны воспоминания самого Бюшинга — очевидца переворота 1762 г.¹⁴⁷

С начала XIX в. отдельными изданиями или на страницах журналов стали появляться отечественные публикации мемуаров об относительно недавнем и «закрытом» прошлом: записки Я.П.Шаховского (1808 и 1810 гг.) и И.И.Неплюева (1823–1826 гг.), первые переводы сочинений Манштейна (1810 и 1823 гг.), Э.Миниха (1817 г.), Я.де Лириа (1822 г.). При этом некоторые из них (записки Манштейна, Э.Миниха, Я.П.Шаховского) распространялись в рукописях — так же как записки Екатерины II, неопубликованный памфлет М.М.Щербатова «О повреждении нравов в России» и записки княгини Е.Р.Дашковой¹⁴⁸ или запрещенные к распространению иностранные сочинения по русской истории.

В издательстве М.И.Семевского впервые была издана серия самых известных воспоминаний деятелей той поры: записки придворного ювелира Елизаветы и Екатерины II И.Позье и А.Т.Болотова, заново изданы мемуары Манштейна, отца и сына Минихов, Я.П.Шаховского, И.И.Неплюева.¹⁴⁹

Отмена цензурных ограничений после 1905 г. создала условия для выхода в свет совершенно непечатных прежде материалов. В течение нескольких лет выдержал пять изданий сборник «Переворот 1762 г.: Сочинения и переписка участников и современников», где впервые было наконец опубликовано так не понравившееся Екатерине II повествование К.Рюльера. За ним последовал еще один сборник воспоминаний — на этот раз о событиях 1801 г., освещение которых прежде категорически не допускалось.¹⁵⁰ Академия наук приступила к изданию «Сочинений» Екатерины II, в составе которых вышли и ее знаменитые «Записки». Стали доступны для широкой публики мемуары Е.Р.Дашковой и сочинения князя-эмигранта П.В.Долгорукова.¹⁵¹ «Русская старина» и «Русский архив» поместили интересные материалы о последних днях и часах царствования и отречении Петра III.¹⁵²

Но с 20-х годов прошлого столетия в связи с принципиальным изменением задач и направлений исторических исследований публикации по теме практически прекращаются. За несколько десятков лет можно указать лишь на единичные случаи такого рода — например, новое издание сочинений В.Н.Татищева, в том числе его записки о событиях 1730 г.¹⁵³

Возобновление публикаторской деятельности относится уже к 80-м годам XX столетия и продолжается по сей день, хотя и несколько однобоко: издаются преимущественно мемуары. Вновь были изданы записки Г.Р.Державина, мемуары Е.Р. Дашковой; вышло новое издание сочинения князя Щербатова «О повреждении нравов в России».¹⁵⁴ За ними последовали мемуары А.Т.Болотова и сочинения Екатерины II.¹⁵⁵ Переиздавались и сочинения иностранцев — книга К.Рюльера о перевороте 1762 г.; мемуары герцога де Лириа и капитана Н.Вильбуа — о событиях царствования Екатерины I и Петра II.¹⁵⁶

Появление всех этих публикаций можно только приветствовать; но, к сожалению, уровень их подготовки не всегда одинаково высок. Так, например, Н.Я.Эйдельман впервые осуществил издание подлинника знаменитого памфлета князя Щербатова. Но переиздание Г.Н.Моисеевой мемуаров Дашковой, по сути, явилось воспроизведением старой публикации 1907 г. и содержало ошибки в комментариях, из-за чего получило отрицательный отзыв.¹⁵⁷

Необходимо выделить предпринятую Фондом Сергея Дубова фундаментальную публикацию мемуаров деятелей XVIII столетия (в серии «История дома Романовых в мемуарах современников XVII—XX вв.»). В этой серии уже вышли сочинения Ф.Берхгольца, Г.Бассевича, Х.-Г.Манштейна, отца и сына Минихов, Я.П.Шаховского, В.А.Нащокина, И.И.Неплюева, подготовленные и обстоятельно прокомментированные В.П.Наумовым.¹⁵⁸ Столь же тщательно были выполнены публикация С.Р.Долговой «Поденных записок» А.Д.Меншикова и составленный Ю.Н.Беспярых сборник «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях».¹⁵⁹ Недавно были изданы записки М.А.Муравьева.¹⁶⁰

В 1990-х гг. одновременно увидели свет несколько сборников источников, специально посвященных дворцовым переворотам XVIII в. В 1991 г. Е.В.Анисимов подготовил очередное издание мемуаров Б.-Х. и Э.Минихов, записок княгини Н.Б.Долгоруковой, М.В.Данилова, а также письма из Петербурга в Лондон леди Рондо. В том же году М.А.Бойцов впервые представил читателям свод источников о дворцовых переворотах с включением фрагментов мемуаров их участников, публицистических произведений, писем, донесений иностранных дипломатов.¹⁶¹ Л.И.Левин в приложении к своей книге о герцоге Антоне-Ульрихе Брауншвейгском опубликовал дневник секретаря брата неудачливого принца, повествующий о событиях придворной жизни в Петербурге в 1741—1742 гг.¹⁶²

Издательство «Слово» приступило к выпуску по тому же принципу серии «Русские мемуары», рассчитанной на широкий круг любителей мемуарной литературы. Первым ее выпуском стал сборник «Путь к трону», включивший в себя воспоминания пяти авторов и другие материалы по истории дворцового переворота 1762 года и воцарения Екатерины II.¹⁶³ Эти подборки носят скорее научно-популярный характер, но все же выпущены в свет с комментариями и указателями и тем выгодно отличаются от простых перепечаток изданий XIX — начала XX в.¹⁶⁴

Нетрудно убедиться, что названные нарративные источники — мемуары и записки, а также письма и другие «бумаги» современников и участников событий — прежде всего публиковались и изучались. Большинство из них были изданы уже в XIX в. и с тех пор прочно вошли в научный оборот. Обстоятельный анализ мемуаров XVIII в. предпринял А.Г.Тартаковский,¹⁶⁵ что освобождает нас от необходимости давать общую характеристику этого вида источников. Их достоинства и недостатки не раз комментировались в литературе; наши замечания будут сделаны в соответствующих главах работы.

Одновременно с усилиями исторической журналистики в XIX в. развернулась и крупнейшая официальная инициатива по изданию исторических документов. Начало ей положило издание «Полного собрания законов

Российской империи», до сих пор остающегося одним из важнейших источников, несмотря на неполноту и пропуски отдельных документов (например, манифеста Екатерины II от 6 июля 1762 г.). Законодательные материалы составляют второй комплекс используемых в работе источников. Большая часть их вошла в фундаментальные публикации, осуществленные еще в XIX — начале XX вв.: «Полное собрание законов Российской империи», «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи», «Сенатский архив» (с 30-х гг. XVIII в. до времени Петра III и первых лет правления Екатерины II).¹⁶⁶

К нему же близко примыкают (а порой и являются неотделимыми) разнообразные материалы делопроизводства верховных и центральных государственных учреждений — в первую очередь, опубликованных и неопубликованных документов Верховного Тайного совета, Кабинета министров, Кабинета е.и.в., Сената, Конференции при высочайшем дворе, Тайной канцелярии и дворцового ведомства из РГАДА и документации Военной коллегии и гвардейских полков из РГВИА.

Здесь особо следует выделить усилия, предпринятые основанным в 1866 г. имп. Русским историческим обществом. В рамках серийного издания этого общества увидели свет бумаги Екатерины II, а также «журналы» и протоколы Верховного Тайного совета 1726—1730 гг. и Кабинета министров 1731—1741 гг.¹⁶⁷ Необходимо отметить и другие начавшиеся публикации — материалов архива императорского двора, «Сенатского архива» и подготовленной заведующим архивом Сената П.И.Барановым «Описи высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Петербургском Сенатском архиве за XVIII в.».¹⁶⁸

По инициативе директора Московского архива Министерства юстиции Н.В.Калачова была создана специальная комиссия по изданию так называемых «дел с известным титулом» — документации времени правления Ивана Антоновича (1740—1741 гг.), «арестованной» в свое время по приказу императрицы Елизаветы. Предполагалось издать около 10 тысяч документов по шести разделам; но вышли только два тома, посвященные императорскому дому и высшим государственным учреждениям.¹⁶⁹

Можно отметить и публикации, предпринятые параллельно по инициативе частных лиц. В 1872 г. были изданы собранные К.И.Арсеньевым материалы по истории царствования Анны и Елизаветы (в том числе отрывки следственных дел Миниха, Остермана и других осужденных после переворота 1741 г.). В.В.Кашпирев выпустил трехтомник «Памятники новой русской истории», где, в частности, была помещена подборка уникальных документов, повествующих о событиях в 1730 г. и политических процессах 40-х и последующих годов.¹⁷⁰

К сожалению, в советский период традиция подобных публикаций по исследуемой эпохе не получила развития. Не слишком известными (и востребованными) оставались специальные источниковедческие изыскания Г.А.Протасова, посвященные корпусу документов Верховного Тайного совета и дворянским проектам 1730 г.¹⁷¹ Эти события больше исследовались на Западе, там же появлялись и редкие новые документальные публикации.¹⁷²

Среди последних можно выделить комплекс документов из голландских архивов и собрания герцогов Брауншвейг-Вольфенбюттельских, имеющих отношение к внешнеполитической деятельности А.И.Остермана.¹⁷³

Поставленные в нашей работе задачи определили обращение к архивным материалам, с учетом отмеченной М.Ф.Румянцевой их специфики.¹⁷⁴ Огромный количественный рост делопроизводственных документов в XVIII столетии, естественно, затрудняет поиск и отбор необходимых материалов; в данном случае наши усилия были сосредоточены на поиске новых источников, позволяющих судить о «кадровой» политике отставок и назначений, финансовом «обеспечении» переворотов, конфликтных ситуациях в правящем кругу; о репрессивных акциях в адрес лиц, покушавшихся или обсуждавших возможность покушения на трон; выявлялась также личная и служебная переписка главных действующих лиц.

В то же время упрощение содержания отдельно взятого документа позволяет исследователю применять методы количественного анализа, что также было использовано в работе. Появление круга источников личного происхождения — переписки, мемуаров, дневников, эпистолярных источников (с учетом специфики нашего исследования к ним можно отнести и довольно многочисленные следственные показания) — позволяет отчасти судить о настроениях и взглядах людей той эпохи.

Основные архивные источники по теме (из числа трех названных выше групп) выявлялись автором в многочисленных фондах и коллекциях Российского государственного архива древних актов.

Это, прежде всего, коллекции бывшего Государственного архива Российской империи, среди которых можно выделить комплекс материалов о событиях 1730 г. (Ф.3). Значительный интерес для нашего исследования представляют документы личной императорской канцелярии, в том числе «записные книги указов», дополняющих «Полное собрание законов»; поданные «наверх» доклады по различным отраслям управления; многочисленные прошения и проекты в собрании императорского Кабинета, включившего в том числе и документацию «незаконного правления» 1740—1741 гг. (Ф.9, 10). Сведения о государственных расходах и тратах так называемых «комнатных сумм» содержатся в Ф.14, 19; доклады и другие материалы высших государственных учреждений — в Ф.16; дела по гвардейским полкам, среди которых нам удалось найти новые данные об участии гвардейцев в восстановлении самодержавия Анны Иоанновны, — в Ф.20. Мы рассматривали переписку, личные и служебные документы виднейших государственных деятелей — А.Д.Меншикова, А.И.Остермана, Э.-И.Бирона, А.И.Ушакова, М.И.Воронцова, Н.И.Панина, Орловых, А.П.Бестужева-Рюмина (Ф.11) — и широко использовали дела важнейших политических процессов — Девиера, Волынского, Бирона, Остермана, Бестужева-Рюмина, гвардейских офицеров — после 1762 г. (Ф.6); около 200 дел из архива Тайной канцелярии (Ф.7), а также ее протоколы и поступавшие по делам указы и резолюции, списки арестантов и ссыльных.

Были рассмотрены материалы обширного фонда Сената (Ф.248), в том числе журналы и протоколы его заседаний, документы канцелярии генерал-прокурора и Кабинета министров; выборочно привлекались отдель-

ные дела Сената по коллегиям, а также документы Камер- и Штатс-коллегий (конторы) (Ф.273, 279). Сенатские документы, в частности, помогли составить списки руководителей важнейших учреждений и губернаторов, помещенные в Приложении. В работе использованы также материалы Кабинета министров (Ф.177), Конференции при высочайшем дворе (Ф.178), Канцелярии конфискации (Ф.340), Комиссии для сочинения нового Уложения (Ф.342); коллекций — «Портфели А.Ф.Малиновского» (Ф.197), «Портфели Миллера» (Ф.199), «Сношения русских государей с правительственными местами и с частными лицами» (Ф.168); «Дела относящиеся до образования различных государственных учреждений» (Ф.370), «Кабинет Петра III» (Ф.203), «Исторические и церемониальные дела» (Ф.156), «Исторические сочинения» (Ф.375), «Дела о самозванцах» (Ф.149).

Ведомости Дворцового архива (Ф.1239) содержат сведения о раздачах и конфискациях недвижимости при опалах и ссылках, что дает возможность, вкупе с использованием других источников, ориентировочно определить «стоимость» дворцовых переворотов в России. Книги Герольдмейстерской конторы (Ф.286) представляют данные о чинопроизводстве. Личные фонды Меншикова (Ф.198), Воронцовых (Ф.1261), Паниных-Блудовых (Ф.1274) сохранили служебные документы и переписку вельмож той эпохи.

Другим важнейшим местом поиска документов по теме стал Российский государственный военно-исторический архив. Здесь в основном изучались архивы Преображенского и Семеновского гвардейских полков (Ф.2583, 2584) и Лейб-кампании (Ф.32); именные указы и журналы ежедневных приказов по полкам, послужные списки офицеров и солдат, данные о награждениях и взысканиях гвардейцев и прочая полковая документация, которая позволяет судить о повседневной жизни гвардии, взаимоотношениях ее с высшими чинами империи и самим монархом, а также об участии гвардейцев в дворцовых переворотах.

Материалы такого же рода содержатся и в коллекциях «Кабинетские дела» (Ф.24) и «Коллекция материалов Военной коллегии» (Ф.393), переданных в свое время из РГАДА и содержащих, в том числе, так называемые «дела с известным титулом», т.е. «арестованную» документацию царствования Ивана Антоновича 1740—1741 гг. (документы Кабинета, гвардейских полков, гарнизонной канцелярии Петербурга).

Нами были изучены также материалы самой Военной коллегии и ее подразделений (Ф.2, 8, 20, 21, 23): протоколы заседаний, судные дела, материалы различных комиссий и служебная документация возглавлявших коллегию должностных лиц, в том числе фельдмаршала Миниха и принца Антона Брауншвейгского. Списки генералов и штаб-офицеров сохранились в коллекциях «Формулярных списков» (Ф.489) и «Офицерских сказок» (Ф.490). Новые сведения о царствовании Петра III и событиях 1762 г. удалось найти в документах «походной канцелярии» главнокомандующего П.С.Салтыкова (Ф.39) и в фонде Разумовских (Ф.53).

Кроме перечисленных выше, мы использовали отдельные документы из фондов Российского государственного исторического архива, Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Наконец, четвертую большую группу источников составили дипломатические материалы — прежде всего донесения иностранных дипломатов и составленные на их основе сочинения. Серийные публикации таких документов в сборниках РИО и других изданиях, к сожалению, далеко не полны (что уже отмечалось историками в XIX в.¹⁷⁵) и включают в основном реляции дипломатов Англии (за 1628—1746 и 1762—1769 гг.), Франции (за 1719—1732, 1739—1742 и 1762—1765 гг.); частично — Пруссии (за 1725—1730, 1740, 1762 гг.) и Саксонии (1725—1730 гг.).¹⁷⁶

В «Древней и новой истории» (под редакцией С.Н.Шубинского) увидели свет депеши прусского посланника А.Мардефельда, повествующие о коротком регентстве Бирона, и донесение очевидца переворота 1762 г. испанского посла П. де Альмодовара.¹⁷⁷ В «Русской старине» вышли реляции датского дипломата барона Вестфалена, а в сборнике П.И.Бартенева «Оснадцатый век» — донесения испанского посла герцога де Лириа о событиях 1730 г.¹⁷⁸

Реляции посланников Швеции, Австрии и Голландии (кроме 1762 г.¹⁷⁹) практически не изданы, хотя как раз две последние державы имели стабильные и даже союзнические отношения с Россией, а их дипломаты располагали неплохими связями в столице. Лишь отчасти этот недостаток восполняют выписки из их донесений, приведенные в указанных выше работах А.Г.Брикнера и некоторых других авторов. В РГАДА нами обнаружен перевод донесений австрийского резидента в Петербурге за октябрь—декабрь 1740 г.¹⁸⁰ Там же в фонде Русского исторического общества содержатся выписки из донесений саксонских дипломатов при русском дворе (40—60-х гг. XVIII в.), прусского посла Акселя Мардефельда (1745 г.) и отдельные депеши австрийского резидента Николая Гогенгольца 1721—1740 гг., переведенные на русский язык.¹⁸¹

Специфика этих источников уже неплохо изучена в научной литературе. Иностранные дипломаты (особенно имевшие надежные источники при дворе) сообщали порой уникальную информацию, не отраженную ни в каких официальных документах. Но еще С.М.Соловьев отмечал, что западноевропейцы нередко преувеличивали уровень российской политической культуры того времени: «Мы должны осторожно обходиться с известиями иностранцев о партиях в России, обыкновенно все шли вразброд, личные и фамильные интересы были на первом плане».¹⁸²

В последнее время В.П.Наумов разработал целую систему показателей, необходимых для оценки работы дипломата, полноты и достоверности его реляций. В первую группу он выделил личные факторы: жизненный и профессиональный опыт автора реляций (первое в значительной степени характеризуется возрастом, а второе — числом и важностью выполняемых в прошлом миссий); продолжительность пребывания в данном государстве, степень знакомства с условиями местной жизни, знание языка страны; уровень аналитических способностей; трудолюбие и добросовестность, умение устанавливать связи в обществе.

Для оценки условий работы дипломата важно учитывать отношения его государства со страной, где он аккредитован; титул и ранг дипломата, определяющие его положение при дворе и в высшем обществе; цели и задачи автора реляций в конкретных ситуациях; степень и характер его

участия в событиях государственно-политической жизни страны пребывания. Огромное значение имеет наличие добросовестных помощников в лице сотрудников миссии, дипломатов союзных держав и надежных «друзей»-информаторов; в этой связи существенным оказывается количество средств, отпускаемых на оплату их услуг и для обеспечения миссии режима наибольшего благоприятствования.¹⁸³ Этими критериями мы и руководствовались в работе с названными источниками.

В последнее время появился ряд публикаций такого рода. В комплексном сборнике материалов русских и испанских архивов о связях этих стран вновь были представлены читателю некоторые донесения герцога де Лириа и свидетельство другого испанского посла маркиза де Альмодовара о перевороте 1762 г.¹⁸⁴ Были изданы также сочинения герцога де Лириа и английского посла Д.Бэкингема о дворе Екатерины II.¹⁸⁵ В указанном выше сборнике М.А.Бойцов впервые поместил в переводе на русский язык «Историю низложения и гибели Петра III» очевидца событий, датского дипломата Андреаса Шумахера.¹⁸⁶

Помимо перечисленных выше источников, мы привлекали материалы русских дипломатических миссий в Париже, Лондоне, Вене, Гааге, Берлине, Копенгагене, Гамбурге, Константинополе и в Иране из фондов Архива внешней политики Российской империи (Ф.32, 35, 44, 50, 53, 74, 77, 89, 93). Рескрипты Коллегии иностранных дел и реляции российских дипломатов позволяют представить влияние внутривосточных событий на проведение внешнеполитического курса, а также впечатления и отклики за границей на происходившие в России события. Использовались также аналитические и финансовые материалы самой Коллегии (Ф.2 «Внутренние коллежские дела», Ф.15 «Приказные дела новых лет» и Ф.13 «Письма и прошения разных лиц»), перлюстрация иностранной почты (Ф.6 «Секретнейшие дела»), а также переводы иностранной прессы о событиях в России (Ф.11 «Иностранные газеты»).

Дипломатическая документация содержит интересные сведения об откликах в иностранной прессе на события в России и о внутривосточных коллизиях. Так, в делах Коллегии и переписке русского посла в Голландии нами найдены дела о счетах русских государственных деятелей в иностранных банках и попытках правительства Елизаветы вернуть эти деньги.

В целом указанный корпус как давно известных, так и вновь выявленных и вводимых в оборот источников позволяет, на наш взгляд, выполнить намеченные в нашем исследовании задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ. Т.ХХ. № 14275.

² См.: Краткая универсальная история господина Ла Кроца. СПб., 1761. С.419; *Фрейер И.* Краткая всемирная история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением Российской истории. М., 1769. С.450.

³ В нашей литературе его обычно именуют «Иваном VI Антоновичем», но по порядку от первого венчанного царя Ивана Грозного он является Иваном III и именно так назывался в официальных документах своего времени.

⁴ См.: РГИА. Ф.730. Оп.1. № 37. Л.20.

⁵ См.: *Ефремов Н.* Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск, 1797. С.177-180; Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ

Российской империи. СПб., 1799. С.173,177,180; *Мальгин Т.* Зерцало российских государей с 1789 по 1789 г. СПб., 1789. С.97-98.

⁶ См.: *Нехачин И.* Новое ядро российской истории. М., 1795. Ч.2. С.396,417; *Тальзин М.И.* Краткая история России с обозрением достопримечательных происшествий в некоторых других европейских державах. СПб., 1815. Ч.2. С.238.

⁷ См.: *Безак Х.* Краткое введение в бытописание Всероссийской империи. СПб., 1785. С.154-156,158,160; Новейшее повествовательное описание всех четырех частей света. СПб., 1795. Ч.II. С.23-24,140-142; *Словарь исторический или сокращенная библиотека...* М., 1791. Ч.VI. С.97.

⁸ См.: *Шамрай Д.* Из истории цензурного режима Екатерины II // ОР РНБ. Ф.1105. № 40. Л.194.

⁹ См.: *Семенников В.П.* Из истории цензуры в екатерининскую эпоху // Русский библиофил. 1913. № 1. С.67; РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 2889. Л.13,27.

¹⁰ См.: *Оболенский М.А.* Материалы для русского индекса Librorum prohibitorum // Библиографические записки. 1861. № 7. С.192-194.

¹¹ См.: *Аллатов М.А.* «История, или анекдоты о революции в России в 1762 г.» Клода Карломана де Рюльера // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.322-326; *Западов В.А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60–90-х гг. XVIII в. // Уч. зап. Ленинградского педагогического ин-та им. А.И.Герцена. Л., 1971. Т.414. С.95-96.

¹² См.: *Сомов В.А.* Французская «Россия» эпохи Просвещения и царское правительство // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX в. Л., 1983. С.119-120; *он же.* О книге Ж.Ш.Лаво «История Петра III» // Книга в России. XVI – середина XIX в.: книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С.102-116; *Савельева Е.А.* А.А.Куник и его собрание книг о России XVIII в. // Книга в России XVIII – середины XIX в. Л., 1989. С.108-109; РГАДА. Ф.7. Оп.2. № 3153. Л.591,593,620.

¹³ Цит. по: *Лекарский П.П.* Собственноручная записка Екатерины II об ошибках в государственном управлении после кончины Петра Великого // РС. 1880. № 12. С.1047.

¹⁴ См.: Там же; *Болтин И.Н.* Примечания на историю и древняя и нынешняя России г. Леккерка. СПб., 1788. Ч.II. С.471.

¹⁵ См.: Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевероты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997. С.415,449,475; «О повреждении нравов в России» кн. М.Щербатова и «Путешествие» А.Радищева. М., 1985. С.84,89,96,106-108.

¹⁶ *Болтин И.Н.* Указ. соч. Ч.II. С.506-520.

¹⁷ См.: *Галем Г.А.* Жизнь графа Миниха. М., 1806. Ч.1-2; Граф А.И.Остерман // Гений времен. 1808. № 65-85; Картина жизни и военных деяний российско-императорского генералиссима князя А.Д.Меньшикова, фаворита Петра Великого. М., 1803. Ч.1-3; Краткое описание жизни графа Андрея Ивановича Остермана // Журнал для пользы и удовольствия. 1805. № 4. С.27-51; Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева. М., 1809. Ч.1-2; Протекший век, или исторический взгляд на важнейшие происшествия осьмого на десятое столетия. М., 1802. Ч.2. С.26-27; Ч.4. С.180-181,200-201,355-356.

¹⁸ См.: *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1962. С.135-147; *Тартаковский А.Г.* «Часть труда мною оставленного...»: Реконструкция пушкинского замысла // Родина. 1999. № 12. С.52-55.

¹⁹ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 565. Л.1-2 об.; № 559. Л.1; № 564. Л.16-16 об.,29-30; Ф.1274. Оп.1. № 2768. Л.1 и далее.

²⁰ Цит. по: *Сербинич К.С.* Николай Михайлович Карамзин // РС. 1874. № 9. С.238-239.

²¹ Записка графа А.Воронцова о России в начале XIX в. // АКВ. 1883. Кн.29. С.455. Другое издание см.: ЧОИДР. 1859. Кн.1. С.93. Эта записка в 1826 г. читалась на заседании «Комитета 6 декабря 1826 г.» (см.: Сб. РИО. Т.74. С.5).

²² *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.-Л., 1961. С.153.

²³ См.: *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С.34,36.

²⁴ См.: *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.-Л., 1958. С.414-415.

²⁵ См.: Примечания Н.М.Муравьева к «Разбору донесения следственной комиссии» // Полярная звезда. 1967. Т.5. С.68-72; *Лунин М.С.* Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С.134,143-146; *Фонизин М.А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т.2. С.114-116,120-121. См. также: *Волк С.С.* Указ. соч. С.114.

²⁶ См.: *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1956. Т.7. С.176,178.

²⁷ См.: *Герцен А.И.* Письмо к императору Александру II // Там же. Т.13. С.44.

²⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Э.А.Геррман // ЖМНП. 1884. № 12. С.141-144.

²⁹ См.: *Анненков И.В.* История лейб-гвардии конного полка, 1731–1848. СПб., 1849. Ч.1–4; История кавалергардов и Кавалергардского ее величества полка, с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851; *Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1854. Т.1–2; *Пушкарев И.И.* История императорской российской гвардии. СПб., 1844. Ч.1.

³⁰ См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч.1–5; *он же.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840–1841.

Ч.1–4; *Терещенко А.В.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. М., 1833. Т.1–3.

³¹ См.: *Арсеньев К.И.* Царствование Петра II. СПб., 1839; *Вейдемейер А.В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1832. Ч.1–3; *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1840. С.232-236; *он же.* Русская история. СПб., 1855. Ч.II. С.116,129,165,169.

³² См.: *Лажечников И.И.* Ледяной дом. М., 1835. Ч.1–4; *Масальский К.П.* Регентство Бирона. СПб., 1834. Ч.1–2. Оглушительный успех «Ледяного дома» Лажечникова привел к настоящему паломничеству петербуржцев к могиле А.П.Вольнского, представленного в книге в качестве горячего патриота и одновременно романтического героя-любownika (см.: *Ильинская И.* У истоков русского исторического романа // Нева. 1969. № 12. С.174).

³³ См.: *Лефорт А.А.* История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. Ч.1. С.80,100; *Полевой Н.А.* Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб., 1845. Ч.1; *Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. С.43.

³⁴ См.: *Арсеньев К.И.* Указ. соч. С.3.

³⁵ См.: *Бушковец П.* Историк и власти: дело царевича Алексея (1716–1718 гг.) и Н.Г.Устрялов (1845–1859) // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С.93.

³⁶ См.: *Шишкин И.* События в Петербурге в 1740 и 1741 гг. // ОЗ. 1858. № 5. С.275-278,352.

³⁷ См.: *Семевский М.И.* Елизавета Петровна до вступления на престол // Русское слово. 1859. Кн.2. С.209-278; *он же.* Первый год царствования Елизаветы Петровны // Там же. Кн.6. С.21-326; Кн.8. С.273-352; *Тимошук В.В.* М.И.Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность (1837–1892). СПб., 1895. С.88.

³⁸ См.: *Шебальский П.К.* Вступление на престол императрицы Анны // РВ. 1859. Т.19, ч.1. С.8-9,34.

³⁹ См.: *Курукин И.В., Мохначева М.П.* Проблемы истории России в консервативной публицистике II половины XIX – начала XX в. (журнал «Русский вестник» 1856–1906). М., 1990. С.42.

⁴⁰ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1730 по 1862 г. СПб., 1862. С.453.

⁴¹ См.: *Зайцев А.Д.* «Русский архив» и цензура // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С.104,107,109.

⁴² См.: ОР РНБ. Ф.73. Оп.1. № 32. Л.7,14,18; Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. Книги и периодические издания. М., 1981. Ч.1. С.42.

⁴³ См.: *Блудов Д.Н.* Суд над графом Девьером и его соучастниками // *Ковалевский Е.П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866; *Бюлер Ф.А., Максимов Н.Я.* Э.-И.Бирон, герцог Курляндский регент Российской империи // РС. 1873. № 1. С.52-61; *Герман Э.* Царствование Иоанна VI Антоновича // РА. 1866. № 1. С.1-38; № 2. С.137-141; № 5. С.661-674; № 10. С.1349-1374; № 11-12. С.1508-1538; 1867. № 2. С.161-189; Дело новгородского архиепископа Феодосия Яновского // РА. 1864. № 2. С.121-172; *Есинов Г.В.* Ссылка князя Меншикова // ОЗ. 1860. № 8. С.379-426; 1861. № 1. С.55-90; № 3. Приложение. С.1-50; Князь Долгоруковы в 1730–1740 гг. // РС. 1873. № 12. С.735-746; *Попов Н.А.* Из жизни П.А.Толстого, одного из следователей по делу царевича Алексея // РВ. 1860. Т.27, ч.1. С.319-346; *Семевский М.И.* Шесть месяцев из русской истории // ОЗ. 1867. № 13. С.160-194; № 15. С.589-613; № 16. С.739-776; № 17. С.54-93; *он же.* Император Иоанн Антонович (1740–1764): Очерк по новым материалам // РС. 1879. № 3. С.497-508; № 5. С.291-306; № 7. С.493-514; *Хмыров М.Д.* Густав Бирон, брат регента // Русский мир. 1862. № 2-3; *Шубинский С.Н.* Арест и ссылка регента Российской империи, герцога Курляндского Бирона // РС. 1871. № 5. С.537-562.

⁴⁴ См.: *Андреев В.В.* Представители власти в России после Петра I. СПб., 1870; *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских // Оснадаштыи век. М., 1869. Кн.II. С.376-630; *Логодин М.П.* Царевич Алексей Петрович по свидетельствам вновь открытым // ЧОИДР. 1861. Кн.3. С.25-369; *Попов Н.А.* В.Н.Татищев и его время. М., 1861; *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. СПб., 1873; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; *Шубинский С.Н.* Граф Андрей Иванович Остерман (1686–1745). СПб., 1863; *Шебальский П.К.* Политическая система Петра III. М., 1870.

⁴⁵ См.: *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука. М., 1999. Кн.2. С.189.

⁴⁶ *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы (1848–1908). СПб., 1909. С.343,352.

⁴⁷ *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.IX. С.539.

⁴⁸ См.: Там же. Кн.X. С.67,307.

⁴⁹ См.: Там же. Кн.IX. С.539-540; Кн.X. С.70-71; Кн.XI. С.11-12,49,51; Кн.XIII. С.68-69.

⁵⁰ См.: *Карнович Е.П.* Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. // ОЗ. 1872. № 1. С.209-232; № 2. С.489, 509-510; *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

⁵¹ Судьба этого исследования оказалась загадочной и даже трагичной. Изданы были лишь три тома; остальные, уже написанные, тома после кончины В.А.Бильбасова в 1904 г. пропали. В одном из некрологов имеются сведения об уничтожении их самим автором за несколько дней до смерти (см.: *Шиман Т.* Три русских историка // ИВ. 1906. № 6. С.959).

⁵² См.: *Бондаренко В.Н.* Очерки финансовой политики Кабинета Анны Иоанновны. М., 1913; *Валиевский К.Ф.* Наследие Петра Великого. СПб., 1906. Ч.1–3; *Вземский Б.Л.* Верховный Тайный совет. СПб., 1909; *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909; *Фурсенко В.В.*

Дело о Лестоке 1748 г. СПб., 1912; *Щепкин Е.Н.* Падение канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина. Одесса, 1901.

⁵³ См.: *Вандаль А.* Императрица Елизавета и Людовик XV. М., 1911; 200-летие Кабинета его императорского величества. СПб., 1911; История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. СПб., 1911. Т.2.

⁵⁴ См.: *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900–1904. Т.1–2; *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.1–2; *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка, 1730–1880. СПб., 1882; *Панчулдзев С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества полка. СПб., 1899–1912. Т.1–4 (рецензии Е.С. Шумигорского см.: ИВ. 1899. № 11. С.649–654; 1900. № 4 С.295–296); *Чичерин А.К., Долгов С.Н., Афанасьев А.Н.* История лейб-гвардии Преображенского полка, 1683–1883. СПб., 1883. Т.1–4.

⁵⁵ См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права // *Градовский А.Д.* Собр. соч. В 9-ти т. СПб., 1901. Т.7. С.156–158.

⁵⁶ См.: *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С.249–252, 274.

⁵⁷ *Дитятин И.И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С.614–628.

⁵⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Император Иоанн Антонович и его родственники. М., 1874; *он же.* Император Петр III (по делехам графа Мерси // ДИНР. 1878. № 11. С.177–200; *он же.* Жизнь Петра III до вступления на престол // РВ. 1882. № 11. С.5–53; 1883. № 1. С.184–242; № 2. С.711–755; № 10. С.473–521; № 13. С.509–548; *он же.* Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4. С.169–176; *он же.* Дипломатия в манеже // Там же. № 11. С.559–565; *он же.* Австрийские дипломаты в России (по документам Венского архива) // ВЕ. 1893. № 12. С.508–509; *он же.* Императрица Екатерина I, 1725–1727 // Там же. 1894. № 1. С.121–148; № 2. С.615–646; *он же.* Россия и Дания при императрице Екатерине I // РМ. 1895. № 2. С.39–60; № 3. С.41–56; № 7. С.104–118; № 9. С.24–33; *он же.* Русский двор при Петре II, 1727–1730: По документам Венского архива // ВЕ. 1896. № 1. С.99–125; № 2. С.559–598; № 3. С.7–44; *он же.* Падение Бирона. 1740 (по новым данным из разных архивов) // Новое слово. 1895. № 3. С.207–226; 1896. № 4. С.134–152; № 6. С.25–45; № 8. С.52–78. О работах историка см.: *Цветаев Д.В.* А.Г.Брикнер // Русское обозрение. 1896. № 12. С.851; *Шмурло Е.Ф.* А.Г.Брикнер // ЖМНП. 1897. № 2. С.121.

⁵⁹ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.238, 246, 280, 291, 304, 310, 312.

⁶⁰ См.: Там же. С.77, 327, 330–331; *он же.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.389.

⁶¹ См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т.4. С.238, 240, 272–274.

⁶² См.: *Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. М., 1905. С.31; *он же.* История России XVIII в. (1725–1796). М., 1915. С.52–61; *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С.97; *Милюков П.Н.* Верховники и шляхетство // *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. Сб. ст. и этюдов. 2-е изд. СПб., 1903. С.13–14, 22, 33, 38.

⁶³ См.: *Любавский М.К.* Русская история XVIII в. М., 1913. Ч.1. С.3, 41, 63; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.544, 560–561, 564.

⁶⁴ См.: *Вознесенский С.В.* Дворянская реакция после смерти Петра Великого: Из эпохи дворцовых переворотов // Русское прошлое. Пг., 1923. Кн.2. С.22–54; *Тотьме Ю.В.* «Проект о поправлении государственных дел» А.П.Волынского // Дела и дни. Пг., 1922. Кн.3. С.1–31; *Нечаев В.Н.* Публикация о винах кн. А.Д.Меншикова // Русский исторический журнал. 1921. Кн.7. С.92–113; *он же.* Следственные допросы кн. А.Д.Меншикова (по вновь найденным документам) // Там же. Кн.8. С.115–150; *Чечулин Н.Д.* Екатерина II в борьбе за престол (по новым материалам). Л., 1924.

⁶⁵ См.: *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т.2. С.267, 276; Т.3. С.14, 34.

⁶⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. М., 1963. Т.37. С.443–444.

⁶⁷ См.: История СССР. М., 1939. Т.1. С.664–665; История СССР /Под ред. П.И.Кабанова и В.В.Мавродина. М., 1979. Ч.1. С.371–375; Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957. С.247–251; *Семенов М.* Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С.25–39.

⁶⁸ История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983. С.320; Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т.5. С.18.

⁶⁹ См.: *Анисимов Е.В.* «Феномен Пикуля» глазами историка // Знамя. 1987. № 11. С.220–221.

⁷⁰ См.: *Анисимов Е.В.* Внутренняя политика Верховного Тайного совета (1726–1730): Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1975; *Кузьмин А.Г.* Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. 1980. № 7. С.81–90; *Овчинников Р.В.* Крушение «полудержавного властелина» // ВИ. 1970. № 9. С.87–104.

⁷¹ См.: *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С.273–280; *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике, 1725–1739. М., 1976. С.306–307.

⁷² *Зутис Я.Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С.138, 184–190, 200.

⁷³ См.: *Троицкий С.М.* Историография «дворцовых переворотов» в России XVIII в. // ВИ. 1966. № 2. С.38–53.

⁷⁴ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т.3. С.252–273; *Shmidt S.O.* La politique interieure du tsarisme au milieu du XVIII-e siecle // Annales. Economies. Societes. Civilisations. 1966. № 1. P.95–110; *он же.* Внутренняя политика России середины XVIII в. // ВИ. 1987. № 3. С.45; *он же.* Политика просвещенного абсолютизма в России середины XVIII в. // Россия и Испания: Историческая перспектива. М., 1987. С.265–266; *Каменский А.Б.* История России XVIII в. в трудах С.О.Шмидта // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С.480.

⁷⁵ См.: *Павленко Н.И.* А.Д. Меншиков. М., 1981; *он же.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984; *Эйделман Н.Я.* Грань веков: Политическая борьба в России, конце XVIII – начало XIX столетия. М., 1982.

⁷⁶ См.: *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. Цит. по изданию: В борьбе за власть: Страницы политической истории России. XVIII в. М., 1988. С.69–70, 72–74.

⁷⁷ *Анисимов Е.В.* Путники, прошедшие раньше нас // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). Л., 1991. С.13.

⁷⁸ См.: *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С.27, 179; *он же.* Елизавета Петровна. М., 1999. С.18–33.

⁷⁹ См.: *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины...»: Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С.82–100.

⁸⁰ См.: *Гаврюшкин А.В.* Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII в. М., 1989; *Ефимов С.В.* Политический процесс по делу царевича Алексея. Автореферат дисс. канд. ист. наук. СПб., 1997; *Ибнеева Г.В.* Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Казань, 1994; *Леев Г.А.* Абрам Петрович Ганнибал: биографическое исследование. Таллин, 1984; *Плотников А.Б.* Политические проекты Н.И.Панина. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1997; С.39; *он же.* Н.И.Панин и его проект создания Императорского совета // Сподвижники великой Екатерины. М., 1997; *Седов С.А.* Д.М.Голицын (1663–1737 гг.): государственная и общественно-политическая деятельность. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1996.

⁸¹ См.: *Андреев В.В.* Представители власти в России после Петра I. Минск, 1990; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч.1–2.

⁸² См.: *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993; Холмогорская секретная комиссия: Грустная повесть об ужасной судьбе российского императора и его семьи, написанная Владимиром Стасовым для другого императора и извлеченная с архивной полки Леонидом Левиным. Архангельск, 1993. Издатели использовали разные рукописи: беловую из архива Корфа и черную из архива Стасова. Доказательства авторства Корфа см.: *Ружицкая И.В.* Барон М.А.Корф – историк: по материалам его архива. М., 1996. С.41–46.

⁸³ См.: *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна // ВИ. 1993. № 4. С.19–33; *он же.* Женщины на российском престоле. СПб., 1998; *Арутюнов С.* Фельдмаршал Миних в России. М., 2000; *Буганов В.И.* Екатерина I // ВИ. 1994. № 11. С.39–49; *Заведская З.М.* Жена Петра Великого на престоле. М., 2001; *Каменский А.Б.* Екатерина II // ВИ. 1989. № 3. С.62–88; *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцога Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000; *Мельников А.С.* Петр III // ВИ. 1991. № 4–5. С.43–58; *он же.* «Он не был похож на государя...» Петр III: повествование в документах и версиях. СПб., 2001; На российском престоле. XVIII век. М., 1993; *Наумов В.П.* Елизавета Петровна // ВИ. 1993. № 5. С.51–71; Романовы. Исторические портреты. М., 1997. Ч.1; Российская дипломатия в портретах. М., 1992; *Шорникова И.Н., Шорников В.Г.* Звездные часы императриц. Рязань, 1995.

⁸⁴ См.: *Павленко Н.И.* Страсти у трона. История дворцовых переворотов. М., 1996. С.23, 264, 295 (рецензия А.С.Орлова на эту книгу см: ВИ. 2000. № 3. С.162–164).

⁸⁵ См.: *Павленко Н.И., Андреев И.Л., Кобрин В.Б.* История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов /Под ред. Н.И.Павленко. М., 2003. С.300.

⁸⁶ См.: *Кром М.М.* Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // ИЗ. 2001. Вып.4 (122). С.374–377.

⁸⁷ См.: *Володьков О.П.* Фаворитизм в России XVIII века // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв. Омск, 1996. С.46–64; *Хорошкевич А.Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого (к постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. ст. в честь Н.Ф.Демидовой. М.-Новосибирск, 2000. С.159–176; *Луксин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII в. М., 2000; *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999; *Коваленко Т.А.* Менталитет русского дворянства в контексте культуры середины XVIII в. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1999; *Мишунова Т.Л.* Российское общество накануне реформ Екатерины Великой. М., 2002; Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия. СПб., 1999; *Wortman R.S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton. 1995. Vol.1. (перевод см.: *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т.1). Появились уже первые отечественные (хотя довольно слабые) разработки по теме «репрезентации» русской монархии в XVIII в. (см.: *Мельникова О.Б.* Образ империи: церемониальные процессии в России в XVII–XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образы власти в политической культуре России. М., 2000. С.95–115).

⁸⁸ См.: *Черноус В.В.* Правящие элиты дореволюционной России. Ростов н/Д., 1999. С.60.

⁸⁹ См.: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 2000.

⁹⁰ См.: *Шанский Д.Н.* К характеристике высших учреждений России XVIII в. (20–60-е гг.) // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М., 1991. С.129-132.

⁹¹ См.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; *Наумов В.П.* Организация и внутриполитическая деятельность Конференции при высочайшем дворе (1756–1762 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1991; *он же.* Совет при Петре III // Российское самодержавие и бюрократия. С.257-267.

⁹² См.: *Кричевцев М.В.* Кабинет Елизаветы Петровны и Петра III. Новосибирск, 1993.

⁹³ См.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб., 2001. С.37-65.

⁹⁴ См.: *Смирнов Ю.Н.* Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989. С.58-59,67,71-72; *он же.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989; *он же.* Армия и дворцовые перевороты в XVIII в. // Общественно-политические движения России XVIII—XX вв. Самара, 1993. С.12-13.

⁹⁵ См.: История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С.86,108.

⁹⁶ См.: *Черкасов П.П.* Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. 1700–1775. М., 1995.

⁹⁷ См., например: *Собко Е.М.* Нидерланды во внешнеполитической стратегии России в 1725–1730 гг. // ВИ. 2001. № 11-12. С.139-143; *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов, 1713–1763 гг. М., 1998; *Яковлев Н.Н.* Европа накануне Семилетней войны. М., 1997.

⁹⁸ См.: *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С.167; *он же.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С.84.

⁹⁹ См.: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2-х т. М., 1996. Т.1. С.123,133-137.

¹⁰⁰ См.: Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С.153-154,158,160.

¹⁰¹ См.: *Бойцов М.А.* «...Клиш страшный глас» // Дворцовые перевороты в России 1725–1825 /Сост., вступ. ст., комм. М.А.Бойцова. Ростов н/Д., 1998. С.12-14, 19. Первое издание вышло под названием: Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. М., 1991.

¹⁰² См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. М., 1999. С.91,187,192-193,212,251,314. В рецензии на эту книгу В.И.Моряков не согласился с ее основными выводами, воспроизведя традиционный подход к проблеме: по его мнению, после Петра I вплоть до Елизаветы Петровны «оппозиционно настроенные к петровским преобразованиям круги пытались изменить установленный Петром порядок», а внутренняя политика этих лет была направлена исключительно на «возвышение дворянства, превратившегося в привилегированное сословие» (см.: ВИ. 2002. № 2. С.169-173).

¹⁰³ См., например: *Curtiss M.* A Forgotten Empress. Anna Ivanovna and her Era. N. Y., 1974; *Daniel W.* Grigoriï Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville, 1991; *Die russischen Zaren, 1547–1917* /Hrsg von H. Torke. Munchen, 1995; *Klueting E.* Heinrich graf Ostermann: von Bochum nach St. Petersburg. Bochum, 1976; *Longworth P.* The Three Empresses. Catharina I, Anna and Elizabeth of Russia. Lnd., 1972; *Ransel D.* The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New-Haven, 1975; *Talbot Rice T.* Elizabeth, Empress of Russia. N. Y., 1970; *Troyat H.* Terribles Tsarines. Paris, 1998.

¹⁰⁴ См.: The Cambridge Modern History. Cambridge, 1957. Vol.VII. P.326, 330-334. См. также учебник для американских студентов: *Вернадский Г.В.* Русская история. М., 2001. С.161.

¹⁰⁵ См.: *Anderson M.* Europe in the Eighteenth Century. Lnd., 1970. P.180; *Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge, 1999. P.15; *Early Modern Europe. An Oxford History* /Ed. by E.Cameron. Oxford, 1999. P.313; *The Eighteenth Century* /Ed. by T.C.Blanning. Oxford, 2000. P.15.

¹⁰⁶ См., например: *Anderson M.* Op. cit. P.180.

¹⁰⁷ См.: *Alexander J.* The Petrine Era and After // Russia. A History /Ed. by G.L.Freeze. N. Y., 1997. P.110; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism. Lnd., 1982. P.106; *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New-Brunswick, 1982. P.145; *Ransel D.* «The Government Crisis of 1730» // Reform in Russia and the USSR: Past and Prospects. Chicago, 1989. P.60,66-67.

¹⁰⁸ См.: *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. Lnd., 1998. P.420; *Kivelson V.* Kinship Politics / Autocratic Politics: A Reinterpretation of Eighteenth Century Political Culture // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington, 1998. P.15,18; *Meehan-Waters B.* Op. cit. P.158; *Ransel D.* Character and Style of Patron-Client Relations in Russia // Klientelsysteme in Europa der Frühen Neuzeit. München, 1988. S.224; *Хоскинг Д.* Система патроната и Российское государство // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию чл.-кор. РАН А.Н.Сахарова. М., 2000. С.413-433.

¹⁰⁹ См.: *Marker G.* The Age of Enlightenment. 1740–1801 // Russia. A History. P.128.

¹¹⁰ См.: *Ле Донн Д.* Правящий класс России: характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С.177-179.

¹¹¹ См.: *Le Donne J.* The Evolution of the Governor's Office, 1727–1764 // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.87-115; *он же.* Ruling Families in the Russian Political Order 1689–1725 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. Vol.28, № 3-4. P.264-265,274-275,284,292; *он же.* Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. N. Y., 1991.

¹¹² См.: *Dixon S.* Op. cit. P.137.

¹¹³ См.: *Keep J.* The Secret Chancellery, the Guards and the Dynastic Crisis of 1740–1741 // Forschungen zur Geschichte Osteuropa. Berlin, 1978. Bd.25. S.169-193.

¹¹⁴ См.: *Leonard C.S.* Reform and Regicide. Bloomington, 1993; *Мыльников А.С.* Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991 (рецензию И.В.Карацуба на книгу Леонарда см.: ВИ. 1994. № 9. С.180-182).

¹¹⁵ См.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000. С.96,106,160.

¹¹⁶ См.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. С.176-177.

¹¹⁷ См.: *Павленко Н.И., Андреев И.Л., Кобрин В.Б.* Указ. соч. С.296-303.

¹¹⁸ См.: История Европы. М., 1994. Т.4. С.397.

¹¹⁹ См.: *Буганов В.И., Зырянов П.Н.* История России. Конец XVII – XIX в. М., 1997. С.45.

¹²⁰ См.: *Бушуев С.В.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки. М., 1984. С.369-370,373; *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* История России: Учебник для вузов. М., 2002. С.116; *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. М., 2001. С.145-147; *Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунин А.Ю., Терещенко Ю.Я.* Основы курса истории России. М., 1997. С.182; *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1996. С.218; Россия в мировой истории: Учебник для вузов /Под ред. В.С.Порохина. М. 2003. С.112-116.

¹²¹ *Гордин Я.А.* Власть и гвардия // Знание – сила. 1991. № 12. С.71.

¹²² См.: *Исаев И.А.* История государства и права России: Полный курс лекций. М., 1994. С.106; *он же.* История России: традиции государственности. М., 1995. С.52; Политология на российском фоне. М., 1993. С.66,182.

¹²³ См.: *Ештокин С.А.* Абсолютизм в России (1725–1825 гг.): Учебное пособие. М., 2001. С.30-95.

¹²⁴ См.: История государства и права России: Учебник /Под ред. Ю.П.Титова. М., 2001; История отечественного государства и права /Под ред. О.В.Чистякова. М., 1996. Ч.1; Российская государственность в терминах: IX – начало XX вв.: Словарь. М., 2001.

¹²⁵ *Исаев И.А.* История государства и права России: Учебное пособие. М., 2002. С.114-115.

¹²⁶ См.: *Буровский А.М.* Несостоявшаяся империя – 2. Незнакомая Россия: историческое исследование. Красноярск–М., 2001. С.83,427; *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизер А.С.* Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. Теоретическая политология. М., 1996. С.36; *Мунчаев Ш.М., Устинов В.М.* Политическая история России: от становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. С.48.

¹²⁷ См.: *Астидов Ф., Степанов Д.* Подъем – переворот // Знание – сила. 1993. № 7. С.91-93; *Волгин И.* Кто убил Петра III? // Президент. 1994. № 1. С.19-22; *Ежов В.В.* Самые знаменитые заговоры и перевороты России. М., 2002. С.100 и далее; *Соловьев О.Ф.* Кинжал под кринолином // Наука и религия. 1995. № 1. С.32-37; № 2. С.34-37; № 3. С.46-48; *Тюрин В.* Два долгих дня, или Неотпризнанные именованные // Знание – сила. 1993. № 8. С.107-117; Царевубийства. Гибель земных богов. М., 1998. С.265-314; *Янов А.* Драма Смутного времени. Дело 1730 г. // Полис. 1994. № 1. С.159-177.

¹²⁸ См.: *Авенариус В.П.* Бироновщина. Два регентства. Опальный. М., 1994; *Волконский М.Н.* Соч. В 4-х т. М., 1992; Иоанн Антонович. 1740–1764: Романы, повесть. М., 1994; Елизавета Петровна (1709–1761): Сб. романов. М., 1994; Петр II (1715–1730): Сб. исторических романов. М., 1995; Петр III (1728–1762): Сб. романов. М., 1995; *Полещаев П.В.* Романы. М., 1995; *Салиас Е.А.* Петербургское действо. М., 1994; *Соловьев В.С.* Юный император. М., 1993 и др.

¹²⁹ Режиссер-постановщик сериала «Тайны дворцовых переворотов» С.Дружинина мыслила свой фильм как повесть «о нелегкой женской доле» русских императриц: «Неправда, что все они были дуры буржуазные... Каждая совершенно искренне заботилась о государстве российском по мере своих возможностей и талантов. Фаворитизм был развит тоже, потому что ничто человеческое им не чуждо. Но все решения, которые принимались нашими императрицами, были на пользу отечеству» (см.: Комсомольская правда. 1996. 10 июля).

¹³⁰ См., например: *Иванов О.* Загадка писем А.Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9. С.13-19; № 11. С.10-18; № 12. С.9-17; 1996. № 1. С.37-43; № 2. С.32-39; № 3. С.25-29.

¹³¹ См.: *Волкова И.В., Курукин И.В.* Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII–XX вв. // ВИ. 1995. № 5-6. С.40-61.

¹³² См.: *Курукин И.В.* Анна Леопольдовна // ВИ. 1997. № 6. С.28-40; *он же.* Из дневника московского обывателя: 1741 год // Отечественное Краеведческий альманах. М., 1997. С.264-268; *он же.* Дворцовый переворот 1741 г.: причины, «технология», уроки // ОИ. 1997. № 5. С.3-23; *он же.* Дворцовые перевороты в России XVIII века // Основы государства и права. 1998. № 3. С.59-63; №4. С.59-62; *он же.* Проблемы и направления изучения событий 1730 г. // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.): Тезисы международной конф. 2–3 октября 1998 г. М., 1998. с.71-73; *он же.* Петр I и послепетровская эпоха в восприятии современников и ближайших потомков // Петр Великий – реформатор России: к 300-летию Великого посольства

Петра I в Западной Европе: Тезисы докладов международной науч. конф. (Москва, 18–20 ноября 1998 года). М., 1998. С.68–69; *он же*. К вопросу о патриотизме, или свидетельствах источников об общественных настроениях в период дворцовых переворотов // Источниковедение и краеведение в культуре России. С.143–145; *он же*. Фаворит на десять лет: незлобивое слово о герцоге Эрнсте Иоганне Бироне // Родина. 2000. № 9. С.37–42; *он же*. «Время, чтоб самодержавию не быть» (генералитет, дворянство и гвардия в 1730 г.) // ОИ. 2001. № 4. С.3–18; № 5. С.12–21; *он же*. Загадка завещания императрицы // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Доклады и тезисы XIV науч. конф. Москва, 18–19 апреля 2002 г. М., 2002. С.287–290; *он же*. Гульден барона Остермана (дело о беглых капиталах вице-канцлера) // Родина. 2002. № 9. С.16–21; *он же*. Из истории складывания режима «биرونщины» // ОИ. 2003. № 2. С.3–19; *он же*. «Государыню заколоть шпагою...» // Родина. 2003, № 4. С.54–57.

¹³³ См.: *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII–XIX вв. и Вольная печать. М., 1984. С.146.

¹³⁴ См.: *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С.118,126,237,336.

¹³⁵ *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С.21. О наличии таких преданий на примере собственной семьи рассказывали декабрист М.А. Фонвизин и историк К.Н. Бестужев-Рюмин (см.: *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т.2. С.127–129, 135; *Бестужев-Рюмин К.Н.* Воспоминания (до 1860 года) // Сб. ОРЯС. СПб., 1900. Т.67. С.4).

¹³⁶ См.: *Долгоруков П.В.* Правда о России. Париж, 1861. Ч.1–2; *Желвакова И.А.* Рассекречивание прошлого в годы первой революционной ситуации (на примере публикаций Исторических сборников «Вольной русской типографии в Лондоне» о перевороте 1801 г. // Революционная ситуация в России 1859–1861 гг. М., 1974. С.211–222; *Эйдельман Н.Я.* Герцен против самодержавия. С.56–73. Примером собирания такого рода повествований вместе с официальными актами и запрещенными переводными сочинениями может служить один из рукописных сборников, сохранившийся среди бумаг министра полиции Александра I А.Д. Балашова. Он включает любопытную подборку материалов, в том числе «Манифест» по делу царевича Алексея, «Историю жизни, царствования и низвержения с престола Иоанна VI, императора России», «Рассказы о знаменитых людях России прошлого века», «Краткую историю Елизаветы Алексеевны Таракановой» (см.: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф.16. Оп.1. № 235).

¹³⁷ См.: *Вильбуа Н.* Краткий очерк или анекдоты о жизни князя Меншикова и его детей // РВ. 1842. № 2. С.151–173; Записки артиллерии майора Данилова. М., 1842; *Нащокин В.А.* Записки. СПб., 1842; Записки дьяка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе. СПб., 1845; *Феофан Прокопович.* Краткая повесть о смерти Петра Великого... с присовокуплением описания порядка, держанного при погребении... Петра Великого... СПб., 1831; *он же*. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечно достойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны. СПб., 1837.

¹³⁸ См.: *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. М., 1857–1860. Ч.1–4; Записка об Артемии Вольском // ЧОИДР. 1858. Кн.2. С.135–170; Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны // Утро: Литературный сб. М., 1859; Обстоятельства, подготовившие опалу Эрнста Иоганна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. № 12. С.522–622; *Пекарский П.П.* Марксы де ла Шетарди в России, 1740–1742. СПб., 1862; Показание князя И.А. Долгорукого и мнение о том Тайной канцелярии // ЧОИДР. 1864. Кн.1. С.1–7; *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.И. Бироне // ЧОИДР. 1862. Кн.1. С.28–128.

¹³⁹ См.: *Асеебург А.Ф.* Записка о воцарении Екатерины II // РА. 1879. № 3. С.362–269; *Воронцов С.Р.* Автобиография // Там же. 1876. № 1. С.33–59; Для биографии герцога Бирона // Там же. 1867. № 3. С.469–473; Записки графа Бассевича // Там же. 1865. № 1. С.1–54; № 2. С.141–204; № 5–6. С.567–656; Исторические документы 1742 г. // Там же. 1864. № 5–6. С.235–272.

¹⁴⁰ См.: Автобиография кн. Е.Р. Дашковой // АКВ. 1881. Кн.21. С.5–365; Манифесты по поводу восшествия на престол Екатерины II // Оснадацатый век. М., 1869. Кн.III. С.216–224; Первые дни Екатерининского царствования // Там же. Кн.IV. С.207–215; Письмо А.И. Остермана к неизвестному лицу // Там же. Кн.III. С.150.

¹⁴¹ См.: Княгиня Е.Р. Дашкова // РС. 1874. № 3. С.407–464; *Рудаков С.А.* Д.В. Волков, секретарь Петра III: Материалы к его биографии // Там же. № 11. С.478–496; *Турбин С.И.* А.П. Вольский: Материалы к его биографии // Там же. 1872. № 6. С.934–951; Фридрих II и Петр III // Там же. 1871. № 3. С.283–309.

¹⁴² Записная книга И.М. Грязнова, 1730–1752 // Шукинский сборник. М., 1907. Вып.6. С.29.

¹⁴³ См.: *Данилов М.В.* Записки // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–е – 1760–е гг.). Л., 1991. С.312; *Нащокин В.А.* Записки. С.66.

¹⁴⁴ См.: Журнал генерал-фельдмаршала кн. Н.Ю. Трубецкого 1717–1763 // РС. 1870. № 1. С.33–41; Записки графа Г.П. Чернышева // Там же. 1872. № 6. С.792–802.

¹⁴⁵ См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С.48–49.

¹⁴⁶ См.: *Наумов В.П.* Последпетровская Россия глазами российских немцев // Перевороты и войны. С.495; Geschichte der Thronmsetzung und des Todes Peter des Dritten von Andreas Schumacher.

Hamburg, 1858; *Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement de l'empire de Russe.* Copenhagen, 1774; *Lihria de.* Memoires du duc de Lihria et de Berwick, ecrits par lui-même. Paris, 1788.

¹⁴⁷ См.: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Томск, 1988. С.218–220, 239–241; *Büsching A.-F.* Anton-Friedrich Büsching's eigene Lebensgeschichte. Halle, 1789.

¹⁴⁸ См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. С.86.

¹⁴⁹ См.: *Болотов А.Т.* Записки. СПб., 1871–1873. Ч.1–4; Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893; *Манштейн К.Г.* Записки о России. СПб., 1875; *Миних Б.Х.* Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874; *Миних Э.* Россия и русский двор в первой половине XVIII века. СПб., 1891; *ПоIZE И.* Записки придворного брильянщика о пребывании его в России с 1729 по 1765 г. // РС. 1870. № 1,2,3; *Шаховской Я.П.* Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора св. Синода, генерал-прокурора и конференц-министра при Елизавете, сенатора при Екатерине II. СПб., 1872.

¹⁵⁰ См.: Переворот 1762 г.: Сочинения и переписка участников и современников. М., 1908; Царевубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1908.

¹⁵¹ См.: *Горюнов С.М.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Ч. Уильямса // ЧОИДР. 1909. Кн.2. С.1–360; *Дашкова Е.Р.* Записки. СПб., 1907; *Долгоруков П.В.* Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М., 1909; Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907.

¹⁵² См.: Император Петр III // РА. 1909. № 7. С.518–534; Три письма графа А.Г. Орлова к Екатерине II // Там же. 1911. № 5. С.24–26; Три письма Петра III из Ропши к Екатерине II // Там же. С.21–24. ¹⁵³ См.: *Татищев В.Н.* Записки. Письма 1717–1750 гг. М., 1980.

¹⁵⁴ См.: *Дашкова Е.Р.* Записки 1743–1810. Л., 1985; Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Под ред. С.С. Дмитриева. М., 1991; *Державин Г.Р.* Избранная проза. М., 1984; «О поведении нравов в России» князя М. Шербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1985.

¹⁵⁵ См.: *Болотов А.Т.* Записки, 1737–1798. В 2-х т. Тула, 1988. Т.1–2; *Екатерина II.* Записки. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. М., 1989; *она же.* Соч. М., 1990.

¹⁵⁶ См.: *Вильбуа Н.* Рассказы о российском дворе // ВИ. 1991. № 12. С.192–206; 1992. № 1. С.139–155; № 4–5. С.137–148; Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.

¹⁵⁷ См.: ВИ. 1987. № 6. С.131–134.

¹⁵⁸ См.: Неистовый реформатор / Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000; Перевороты и войны / Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М., 1997; Империя после Петра 1725–1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. Юность державы / Фридрих Берхгольц. Геннинг Бассевич. М., 2000.

¹⁵⁹ См.: *Бесятовых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997 (см. нашу рецензию: ОИ. 1999. № 1. С.159–160); Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. X.

¹⁶⁰ См.: *Муравьев М.А.* Записки // Российский архив. 1994. Вып. V. С.7–81.

¹⁶¹ См.: Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). Л., 1991; Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России 1725–1825 / Сост., вступ. ст., комм. М.А. Бойцова. М., 1991. Второе издание см.: Дворцовые перевороты в России 1725–1825. Ростов н/Д., 1998.

¹⁶² См.: *Левин Л.И.* Российский генерал-сисимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.289–319.

¹⁶³ См.: Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года / Сост., предисл., комм. Г.А. Веселой. М., 1997.

¹⁶⁴ См.: Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: Из записок князя П.В. Долгорукова // Переворот 1762 года: Сочинения и переписка участников и современников. М., 1997; Записки о России генерала Манштейна. М., 1998.

¹⁶⁵ См.: *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.

¹⁶⁶ См.: ПСЗ. СПб., 1830. Т.VII–XVII; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876–1911. Т.4–10; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1899–1912. Т.1–4; Сенатский архив. СПб., 1890–1913. Т.3–15.

¹⁶⁷ См.: Бумаги императрицы Екатерины II // Сб. РИО. 1871. Т.7; Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Под ред. А.Н. Филиппова. Т.1–12 // Сб. РИО. 1898–1915. Т.104,106,108,111,114,117,120,124,126,130,138,146; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета, 1726–1730 гг. / Под ред. Н.Ф. Дубровина. Т.1–8 // Сб. РИО. 1886–1898. Т.55,56,63,69,79,84,94,101.

¹⁶⁸ См.: Высочайшие повеления по придворному ведомству (1723–1730). СПб., 1886; Высочайшие повеления по придворному ведомству. Списки и выписки из архивных бумаг (1701–1740). СПб., 1888; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1875–1878. Т.1–3; Сенатский архив. СПб., 1890–1892, 1907–1913. Т.3–5,12–15.

¹⁶⁹ См.: Внутренний быт русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880–1886. Кн.1–2.

¹⁷⁰ См.: Пекарский П.П. Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9; Памятники новой русской истории: Сборник ст. и материалов /Изд. В.В.Кашпирев. СПб., 1871—1873. Т.1—3.

¹⁷¹ См.: Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Уч. зап. Тамбовского педагогического ин-та. Тамбов, 1957. Вып.15. С.215-231; он же. Записки Татищева о «произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып.ХI. С.246-253; он же. Верховный Тайный совет и его проекты 1730 года (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып.1. С.65-103; он же. Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // Там же. 1971. Вып.2. С.61-102; он же. Существовал ли «политический план» Д.М.Голицына? // Там же. 1973. Вып.3. С.90-107; Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С.146-153.

¹⁷² См.: Dukes P., Meehan-Waters B. A Neglected Account of the Succession Crisis of 1730: James Keith's Memoir // Canadian-American Slavic Studies. 1978. Vol.12, № 1. P.170-182.

¹⁷³ См.: Kluefing H., Kluefing E. Graf Oestermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol.1—2.

¹⁷⁴ См.: Румянцева М.Ф. Общие свойства исторических источников нового времени // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II науч. чтений памяти академика И.Д.Ковальченко. М., 2000. С.258-269.

¹⁷⁵ См.: Брикнер А.Г. Императрица Екатерина II // ВЕ. 1892. № 4. С.623.

¹⁷⁶ См.: Герман Э. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон Мардефельда с 24 декабря 1717 по 1730 г. // Сб. РИО. Т.15; он же. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии // Там же. Т.3,5; Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. Ч.1,6,9—10 // Там же. Т.12,66,85,91; Дипломатическая переписка французских представителей при дворе императрицы Екатерины II. Т.1—3 // Там же. Т.140—142; Донесения французских посланников и поверенных при русском дворе // Там же. Т.52,58,64,75,81,86,92,96.

¹⁷⁷ См.: Есинов Г.В. Депеши прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 года // ДИНР. 1876. № 1. С.100-104; № 4. С.401-402; № 5. С.94-96; № 6. С.198-200; № 7. С.282-286; № 8. С.392; Дмитриев Д. Известие иностранного дипломата о восшествии на престол Екатерины II // Там же. 1877. № 2. С.225-228.

¹⁷⁸ См.: Корсакова В.Д. Дипломатические депеши посланника при русском дворе Вестфалена о воцарении императрицы Анны Иоанновны // РС. 1909. № 1. С.194-211; № 2. С.279-298; № 3. С.537-554; Письма о России в Испанию испанского посланника в России при императоре Петре II и в начале царствования Анны Иоанновны // Оснадацатый век. Кн.II. С.1-214; Кн.III. С.27-129.

¹⁷⁹ См.: Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе // Сб. РИО. Т.18,46; Шумигорский Е.С. Донесения датского посла Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 г. // РС. 1914. № 6. С.539-57; № 10. С.70-80; № 11. С.262-283; № 12. С.504-512; 1915. № 2. С.274-282; № 3. С.532-544; № 4. С.33-37; № 5. С.295-298.

¹⁸⁰ См.: РГАДА. Ф.32. Оп.5. № 16.

¹⁸¹ См.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95.

¹⁸² Соловьев С.М. Соч. Кн.Х. С.194.

¹⁸³ См.: Наумов В.П. Некоторые особенности источниковедческого анализа дипломатических реляций XVIII в. // Источниковедение и краеведение в культуре России. С.146. Появились первые исследования о самих дипломатах и их работе в России (см.: Андросов С.А. Ж.-Б. Маньян: Француз в России в первой трети XVIII в. // Россия — Франция. Век Просвещения. М., 1992. С.3-10).

¹⁸⁴ См.: Россия и Испания: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1991. Т.1. С.123-132,182-188.

¹⁸⁵ См.: Соколов А.Б. Английский дипломат о политике и дворе Екатерины II // ВИ. 1999. № 4-5. С.115-128; Хакобо Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Там же. 1997. №5. С.73-94. К сожалению, составители сборника документов о русско-испанских отношениях не указали, что донесение де Альмодовара уже публиковалось в XIX в. в журнале «Древняя и новая Россия».

¹⁸⁶ См.: Дворцовые перевороты в России 1725—1825. С.291-327.

ГЛАВА II

ПОЯВЛЕНИЕ ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Вопрошение было у мудрых сицево: «Которым делом смута и мятеж в государстве делается?» Ему же ответование: «Егда честные люди в государстве заслуженные от чинов великих и честных откинутые, а мелкие люди бывают подвышнены».

Сильвестр Медведев

Власть и традиция: до и после Смуты

В отечественной науке высказывалась точка зрения об отсутствии оснований для традиционно существующих рамок «эпохи дворцовых переворотов», поскольку «острая борьба между интересами отдельных придворных группировок имела место и до, и после этих переворотов. Достаточно напомнить о борьбе бояр за власть в малолетство Ивана IV и после его смерти, вплоть до воцарения Михаила Романова в 1613».¹

Количество примеров жестокой политической борьбы нетрудно увеличить, будь то убийство Андрея Боголюбского в 1174 г. или свержение и ослепление московского великого князя Василия II в 1446 г. Заговоры в обоих случаях налицо. Однако убийцы владимирского «самовластца» не готовили ему замены; последовавшая усобица — как и война первой половины XV века — вполне вписывается в борьбу княжеских домов за лучшие «столы», когда перемещение фигур на политической арене закреплялось новой системой договоров-«докончаний». Однако именно в ходе средневековых междоусобиц в европейских странах формировались правовые основы будущего порядка — законы престолонаследия.

На Руси отношения власти и подданных не выработали ни твердых норм престолонаследия, ни конкретных политических теорий о возможности ограничения или ответственности княжеской власти иначе, как только перед Богом.² Это в значительной степени можно объяснить уникальностью юридической ситуации средневековой Руси. Для нее было характерно, во-первых, специфическое принижение значения договор-